

Приватний
історико-краєзнавчий
та
літературно-
мистецький
журнал

2 (41) 2012

УНОМЕРІ

ТВОРИ ЛАУРЕАТІВ КОНКУРСУ ЖУРНАЛУ

Ольга ПРИЛУЦКАЯ: Родовая память.
(Документальный рассказ)...4

ПОЕЗІЯ – КОНКУРС «ДОЛІ»

Тамара ГОРДИЕНКО...8

Владимир КОРНИЛОВ...10

Юлия ПРОКОФЬЕВА...14

Ксана ЕТОН...15

Татьяна ВАРФОЛОМЕЕВА...17

Тамара ГОРДИЕНКО...19

Ксана ЕТОН...22

Тамила КАРАКАШ...23

Владимир ЩЕРБАКОВ...23

Сейран СУЛЕЙМАН...30

Владимир КОРНИЛОВ...33

Ксана ЕТОН...35

Ольга ПРИЛУЦКАЯ...38

Наталья ЛАВРЕЦОВА...41

Юрий ПАЛЕВИЧ...59

Валерий МИТРОХИН...61

Павел ЭШОВ...63

ПЕРЕКЛАДИ – КОНКУРС «ДОЛІ»

ПРОЗА – КОНКУРС «ДОЛІ»

ПУБЛІЦИСТИКА

ПАРОДІЇ ГОСТИ «ДОЛІ»

ФОТОВИСТАВКА ЖУРНАЛУ

Ильмира БЕЛЕНКОВА

Сімферополь
2012

Головний редактор
Валерій Басиров

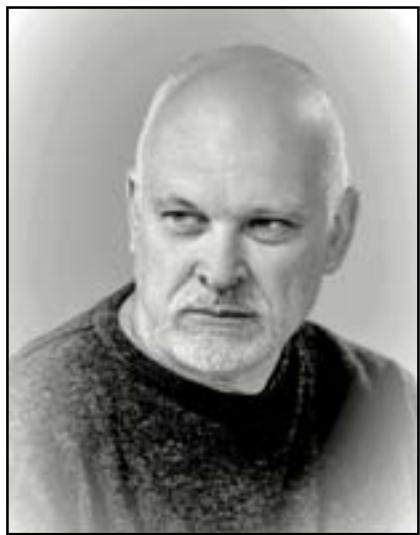
*Журнал зареєстрований
Держкомвидавом України
08. 06. 1994 року.
Серія КВ № 697*

*Обкладинка художника
Тараса Андрійчука
(м. Хмельницький)*

*Підготовлено до друку
та віддруковано
у комп’ютерному центрі
видавництва “ДОЛЯ”:
Україна, АР Крим, м. Сімферополь,
вул. Виноградна, 22,
тел.: (0652) 57-30-01
моб. тел.: +38-067-60-30-657
+38-050-428-53-58 +38-093-56-555-27
E-mail: vbasyrov@mail.ru
Skype: basyrov1947*

*Редактор другого числа часопису
Ольга ПРИЛУЦЬКА
моб. тел: 8-960-46-47-987
E-mail: oprimula@mail.ru*

*Журнал виходить українською, російською,
англійською, польською мовами.
Розповсюджується на замовлення.
Точка зору редакції може не співпадати з думкою авторів.
Відповідальність за достовірність фактів несуть автори публікацій.*

Дорогие друзья!

Я счастлив вновь приветствовать вас со страниц нашего журнала «Доля»! Рад, что никакие трудности не простого времени не помешали нам с вами встретиться в эти замечательные весенние дни.

Редколлегия

журнала поздравляет вас с грядущим великим праздником нашего народа, Днем Победы! Здоровья всем, Мира, благополучия и процветания!

Подведены итоги первого конкурса, проводимого среди подписчиков нашего журнала. Я благодарю всех, кто активно принимал участие в его работе — авторов, читателей. Победителей поздравляю с успехом. У остальных, не сомневаюсь, все творческие удачи еще впереди! Рад за тех, кому результаты конкурса позволили впервые увидеть свои произведения на страницах печатного органа. Это успех!

Судя по активности читательского жюри, всем было интересно узнавать новых авторов, получать удовольствие от прочтения их конкурсных работ. Наши читатели были добры и объективны. Спасибо им за это! Надеюсь, и следующие конкурсы их не разочаруют.

Много желающих было увидеть свои произведения во втором номере журнала «Доля». Но мы, как и обещали, прежде всего, отдали его страници тем, кто достойно победил в конкурсе.

Тем не менее, вы встретитесь в журнале с удивительным творчеством молодого фотохудожника из Санкт-Петербурга Ильмиры Беленковой, сумеете соверши путешествие по Пушкинским местам с писателем Натальей Лаврецовой, улыбнетесь с поэтом из Беларуси Юрием Палевичем, насладитесь зерлой поэзией Тамары Гордиенко из Севастополя и Владимира Корнилова из Братска, Валерия Митрохина из Симферополя и Павла Эшова из Курска, узнаете от Ольги Прилуцкой о новой книге для детей Тамары Гордиенко.

Я желаю вам приятных минут наедине с журналом «Доля»!

И до новых встреч!

*Валерий Басыров,
главный редактор журнала.*

Имя Евгения Халдея известно немногим, но его фотография «Знамя над Рейхстагом» (май 1945 г.) — всем. Этот снимок стал настоящим символом Победы...

Ольга Прилуцкая

Родовая память

Мне сегодня приснился отец. Вот уже четверть века мы с ним изредка встречаемся во сне. Как быстро летит время! Каждый следующий год короче предыдущего. Завтра мне пятьдесят. Господи, неужели я уже прожила столько лет? Страшно-то как! А кажется, что я все такая же, как в двадцать пять и в тридцать... Но мой папа умер, едва ему перевалило за эту половину века.

Я похожа на своего отца, и мне всегда говорили: «Ты — Ворошилина!» Хотя на самом деле у меня была другая фамилия. Потому что мой дед, Воропилин Алексей Алексеевич, пропал без вести на войне. Опасаясь, чтобы это не навредило во взрослой жизни сыну, бабушка записала его на свою девичью фамилию, оставив младших дочерей Ворошилиными. Их у нее двое. Последняя родилась в июне сорок первого, через семь дней после начала войны. Вряд ли успел увидеть ее отец, ушедший на фронт. Она-то его знает по единственной фотографии довоенной поры, из которой гораздо позже сделали цветной портрет и повесили на стену. А папа мой помнил отца всю жизнь. Я же на этот портрет обращала внимание нечасто. Висит да висит себе... Круглоголовый, с добродушным взглядом, взрослый, как мой папа, мужчина. Чужой, если честно. Позже, заезжая к бабушке раз в год-два, я встречалась с голубыми глазами молодого парня с портрета. Со временем он становился уже младше моего папы, а потом — и меня самой...

Как-то в детстве я обиделась на бабушку. Не помню, за что. Папа, уловив мое настроение, решил поговорить со мной.

— Знаешь, дочь, ты не серчай на бабушку Полю... Она добрая. Только не всегда ласковая. Так ведь это потому, что жизнь у нее тяжелая была. Больно много трудностей выпало на ее долю. В войну осталась с нами троими одна. Пришлось работать в шахте, таскать вагонетки с углем. Страдала, оттого что не могла накормить нас досыта, и мы с сестрами то стреляли воробьев из рогатки, то просили милостыню втихаря от нее. У нее, дочь, только руки жесткие, а душа мягкая и добрая. Так

ведь этими руками она сама дом построила...

Дом и вправду был не хуже, чем у кого-то на их улице в небольшом шахтерском поселке. Вообще-то Ворошилины родом из Курской области. Говорят, у моего прадеда был очень большой яблоневый сад и спранный дом в деревне на реке Псел. Но в коллективизацию все отобрали. Бабушка-то из голытьбы была, ее не коснулось раскулачивание. Она считалась в деревне красавицей. А жених Алешка, единственный сын состоятельной иуважаемой за честность семьи, был просто очень добрым и любящим парнем. Этим и покорил ее сердце. Поженившись, уехали в Донбасс. Наверное, дед мой специально увез свою Полюшку подальше от родных мест. Потому что у нее там была любовь. Говорят, что когда еще в девках она шла на свидание к другому, Алешка убегал в рожь и плакал. А уж женившись на своей жарптице, он ревностно оберегал семью! И жили хорошо. Сначала сына родили, вскоре дочку. Но война, война, подлая, все перечеркнула! Бабушке был тридцать один год, когда она осталась одна в оккупации с тремя ребятишками, мал-мала меньше. А муж пропал без вести. Хотя, после войны приходил к ней односельчанин, служивший вместе с ее Алексеем. Говорил, что своими глазами видел, как того убили во время боя за Смоленск. Звал ее замуж. Отказала, хоть и любила его когда-то. Да теперь у нее муж был. Не верила, что он погиб. А коль не погиб, к ней вернется обязательно. Он верный.

Но не вернулся... Так и прожила моя бабушка одна с тремя детьми. Всех выучила, дала высшее образование. Сама-то она училась читать, будучи уже взрослой, по книжке Пушкина «Барышня-крестьянка». Эта пожелтевшая от времени книжонка у нее за иконой лежала. Икона висела в летней кухне, куда чужие люди заходили редко. Однажды я осталась там одна. Поставив табуретку на стул, добралась до той иконы, достала книжку и зачиталась. Мне еще семи лет не было, но читать я умела уже года два. Это была первая взрослая книга в моей жизни! Когда бабушка увидела как я ее читало,

она, что-то вспомнив, погладила меня по голове, зацепив мои волосенки заскорузлыми пальцами труженицы, отчего я недовольно дернулась.

— Читай, внучка! Алешка вот в богатой семье вырос, а был неграмотным. Даже не мог мне с войны письма написать. Я-то читать выучилась сразу, как замуж вышла...

Она никогда не называла его дедом. Он для нее так и остался Алешкой на всю жизнь.

Позже бабушка выстроила еще один дом, кирпичный. И снова сама спроектировала и почти все сделала своими руками. А старый дом сломала...

Да, этот самый старый дом и приснился мне года через два после смерти папы. Будто собралась вся родня — столы выставили через две комнаты. Все заняты друг другом. Неожиданно в дверном проеме с улицы появляется мой папа с молодым красноармейцем в пилоточке времен Великой Отечественной войны. А папа такой, каким я его помню в последние годы жизни. В шуме застолья одна я обратила на них внимание. В полутемной комнате стоят они, пронизанные лучами солнечного света. Папа обращается к красноармейцу, показывая в мою сторону:

— Вот, пап, смотри — мои дочь и жена.

Я хочу спросить его: «Какой папа? Ты что?!», но немею, как это обычно бывает во сне. С тем и просыпаюсь.

Пришла к бабушке и говорю ей:

— Слушай, наверное, дед сегодня умер. Вот что мне приснилось...

Рассказала сон.

— Не знаю... Я долго верила, что он живой. Порой обижалась на него: «Что ж ты бросил меня, Алешка! Мне так трудно с тремя ребятишками...», — бабушка скорбно поджала губы, вспомнив, видно, все обиды и унижения.

— Да, может, и жил себе припеваючи где-нибудь за границей все эти годы, — усмехнулась я.

Но невольно снова мысленно, как киноленту, прокрутила свой сон. И тут меня словно озарило — пилотка, и он молодой. Я, неверующая ни в Бога, ни в черта, ни в загробную жизнь, вдруг бухнула:

— А, может, они сегодня встретились там, на том свете?

Бабушка молча перекрестилась почему-то двумя пальцами и пошла на огород. Я вспомнила, что когда-то она была в старой вере, а потом уж стала как все.

Запал мне этот сон в душу. Странный какой-то... Когда год назад я вышла в Интернет, то первым делом обратила внимание на окно «Поиск». Для примера под ним было написано: «А. С. Пушкин». Я набрала свою фамилию. Чего только не выдал компьютер в ответ! Набрала «Ворошилин». Выдали «Историческую летопись Курского дворянства», «Писцовые книги» с «Ять». Там в записи от 1688 года я увидела фамилию своих предков по отцовской линии. Они и в ней стояли рядом с бабушкиными. Судьба? Интересно!

С тех пор я стала искать Ворошилина А. А. на всех сайтах, связанных с Великой Отечественной войной. Даже среди власовцев. Но везде был один ответ: «В базе данных не найден. Слишком мало сведений». Все верно! Бабушки нет в живых уже около десяти лет. Мой папа и его средняя сестра умерли еще раньше. Осталась только самая младшая, сорок первого года рождения. Та вряд ли что знает...

Я поднялась с постели, сделала пару привычных упражнений утренней зарядки — на пятьдесят выглядеть не хочется. Весна! Из окна виден Дон. Оттуда доносятся гудки — судоходство началось. Земля в саду усыпана лепестками облетевшего цвета вишни. И яблоня стоит, словно невеста в пene подвенечной фаты. Жизнь прекрасна!

После душа подсела к компьютеру, вошла в Интернет. Пробежалась по сайтам. Наткнулась на «Мемориал». Сто раз уж была в нем. «Архивы, генеалогия»... Общались! «ОБД — Мемориал. Данные ЦАМО РФ». А сюда я обращалась? Не помню! Попробовать? Вошла. Как обычно набираю «Ворошилин А. А.» Жду привычный ответ: «Нет данных». Но вдруг появляется условно-графическая фигурка солдата и слова:

«Ворошилин А. А. 02. 1912 — 16. 03. 1942 — Русская Борчная»

Нет, опять мимо! Не мой Ворошилин. Ничего общего с моим, кроме ФИО. Если 1912 — год рождения, то бабушка с 1910 года. Не может же он быть младше ее? А почему нет? Что-то останавливает меня. Я снова

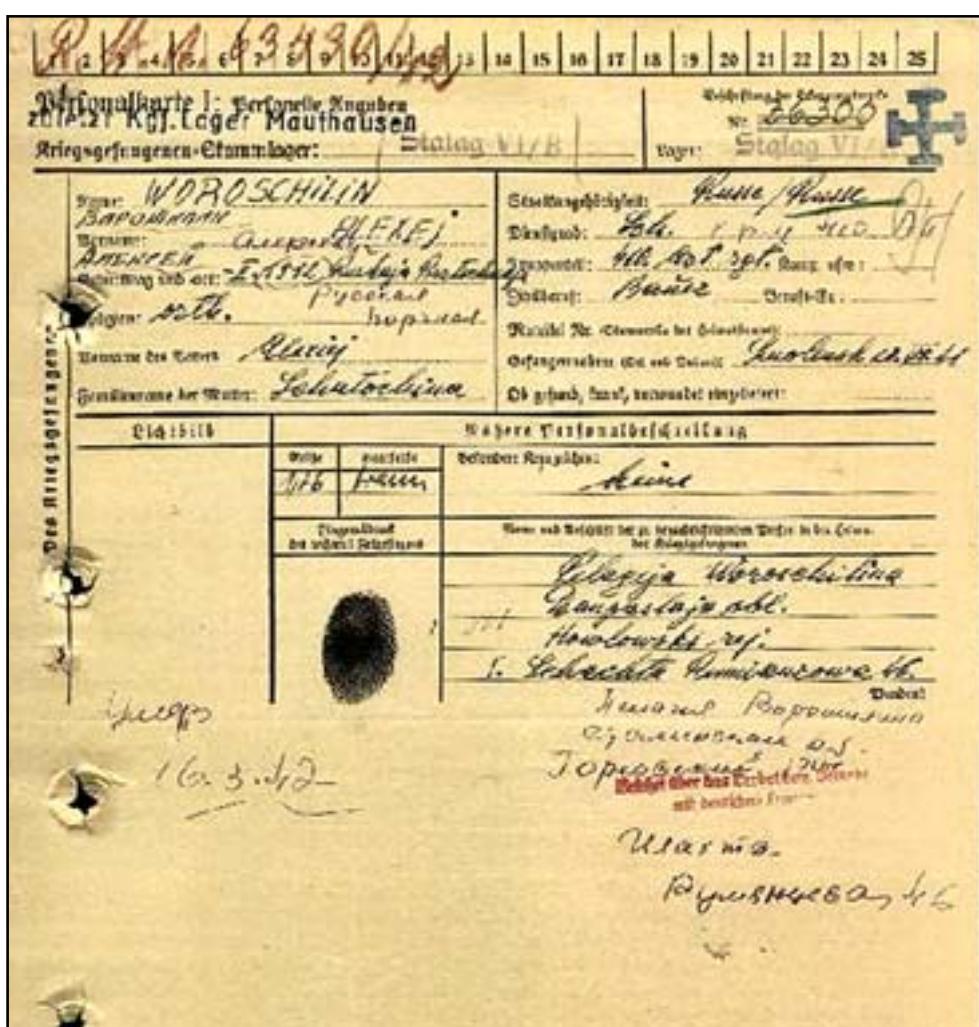
возвращаюсь к таблице. Русская Борчная, что это?

В 1688 году мои предки жили в селе Поречном. Гораздо позже оно разделилось на Черкасское Поречное и Русское Поречное, где родился мой папа. Так может быть?.. Да нет! Этот младше бабушки на два года. Что-то я разнервничалась, даже не сразу сообразила, что есть еще и продолжение. Выхожу на другую таблицу. Так, снова 02.1912, но уже Русская Порчная. Конечно, очередной однофамилец, можно не сомневаться!

«Воинское звание — солдат (рядовой)» Понятное дело! «Судьба — погиб в пленау 16.03.1942». Что ж, царствие ему небесное, этому незнакомому мне страдальцу.

Действительно, судьба. Не найти мне своего деда и на этот раз! На всякий случай распечатаю на бумаге эти данные. Только зачем? Но рука сама собой нажала на значок «Печать». Заработал принтер, и из недр машинки медленно выползает лист бумаги. Он ползет, а я вижу на нем совсем не то, что видела на мониторе и хотела распечатать. На бумаге проявляется снимок большого листа с дырками от дырокола по краю, вырванного из какой-то старинной амбарной книги. Что это? Написано авторучкой по-немецки готическим шрифтом. Ничего не понимаю! Куда я влезла? Спокойнее надо, спокойнее! Чего я нервничаю? Снова нажимаю на «Печать». Господи, опять такой же листок выползает, только написано гораздо больше. Кажется, там даже что-то есть и на русском языке. С нетерпением вырываю из зубов принтера листок. Сразу все одним взгля-

дом не охватить. Но бросается в глаза свастика в правом верхнем углу и ниже слева отпечаток пальца в рамке. Под ним по-русски: «Умер 16.3.42». Прямо как в кино! Спокойнее, не нервничать! Читаем документ неизвестно какой давности. Почему его нет на мониторе? Так, WOROSCHILIN ALEKSEJ Ruskaja Portschnaja. Ясно, все о том же! Взгляд вправо. Следующая колонка: по-русски кем-то сделан перевод написанного «кр-ц 410 АП». Не понимаю, что означает печатный шрифт (я учила английский), но той же авторучкой написано: Smolensk (батюшки, Смоленск! Мой?!), 20 VIII 41. Я покрылась испариной. Неужели мой? Но чего трястись, чего нервничать? Ну и что, может, и мой. Что же теперь? Да нет, не мой! Он с двенадцатого года, а моя бабушка с десятого! Никогда и речи не было, что ее муж младше. А когда о чем вообще-то была речь? Ты хоть раз с бабкой поговорила о ее жизни? Так, все урывками да обрывками. А теперь уж

что плакать по волосам, снявши голову? А никто и не плачет. Читай дальше! Pelageja Woroschilina. Ой, мне плохо! Моя бабушка — Пелагея Алексеевна! Не может быть! Дальше! Глаза ничего не видят, руки трясутся! Господи, да что за почерк у этого проклятого немца! Или это я так плохо соображаю, что с трудом различаю латинские буквы? Да вот же ниже русским языком написано это имя и еще ниже — «Шахта Румянцева, 46». Мой!!! Мой дед... Нашелся! Как будто живого встретила! Но он умер! Какая жалость! А где умер? В плену. Да понятно! Но где? Руки трясутся все сильнее, бумага в них ходуном ходит. А, вот в верхнем углу: Stalag VI/B Mauthausen. Маутхаузен?! Ужас! Бедный мой, родной мой! Слезы текут ручьем по лицу. Как же ты? Сколько же пришлось тебе выстрадать? Тебе, старообрядцу, которому вера запрещала пользоваться чужой посудой, курить, пить, материться и, конечно же, убивать! Может, потому ты и попал в плен, что не мог выстрелить в человека? Ты же, говорят, был очень добрым! Дед ты мой родной! А я и не помню твоего лица с того старого, восстановленного кем-то портрета. Прости меня! Прости! Но я тебя нашла, нашла! Только вот уже ни бабушке, ни папе не смогу рассказать об этом. Люди! Мой дед не предатель, как считали тогда всех, пропавших без вести! Он не пропал! Он погиб мученической смертью. В Маутхаузене весной сорок второго впервые опробовали газовые камеры на узниках. Об этом я где-то читала недавно! И папа тоже умер в марте... Судьба! Я плачу, а в голове мечутся мысли, одна нелепее другой. Мелькнуло лицо Витьки Бухгаммера, красивого голубоглазого немца, который в студенчестве любил меня. Он был из поволжских немцев, немало пострадавших из-за своей национальности в войну. Славный парень, но что-то не сложилось у нас. Не судьба! Вспомнилось, какие хорошие нем-

цы принимали нас с мужем в Берлине. Они тоже пережили войну. Одна приятная пожилая австрийчка пригласила к себе домой. После войны ее угнали в Красноярский край. Мы с ней пили водку, и она вспоминала русские слова «картошка, спасибо, карашо!», сибирский мороз, спирт. А я смеялась и называла ее землячкой, потому что училась там же в институте. И был старый немец, который говорил, что в годы войны работал на санитарной машине, а мы с мужем шутили между собой, не на душегубке ли? И вот оно что! Мой дед погиб в плenу у этих милых немцев!.. Нет, у фашистов! В каждой нации есть свои мерзавцы. Но мне-то от этого не легче! Бедный, бедный мой дед! Только мы с тобой из всей нашей семьи побывали за границей. Я вернулась с приятными воспоминаниями, а ты остался там навечно. Но теперь ты жив для меня! Я нашла тебя! Я обязательно приеду к тебе! Ты заново возродился для своих внуков и правнуков! Теперь ты — не просто портрет на стене! Ты мой родной, дорогой мой, погибший за наше будущее. Да ведь я люблю тебя! Спасибо тебе! И прости нас!!!

За окном буйно цветут пять яблонь в моем маленьком саду, как когда-то в огромном яблоневом саду моих предков в Курской губернии. Завтра День победы и мое пятидесятилетие. И названа я своим отцом в честь победы Викторией. Я плачу от счастья и от боли за своего деда, бабушку, папу... За всех, кто пережил ту проклятую войну с ее еще долгим эхом... Действительно, праздник со слезами на глазах. Только теперь это для меня не просто фраза из песни. Господи, пусть никогда не будет войн! Люди, берегите МИР! А иначе, зачем она, родовая память?

Май, 2008 год

Гордиенко Тамара Митрофановна — первое место в конкурсе подписчиков журнала «Доля» в номинации «Поэзия» (профессиональное жюри), второе место в этой же номинации по голосам читательского жюри. Писатель, переводчик, поэт, член Национального союза писателей Украины, национального Союза журналистов Украины, член Международного Сообщества писательских Союзов, член Международной Ассоциации писателей-баталистов, маринистов, Заслуженный журналист Украины, лауреат множества литературных премий, в том числе и международных.

Красная Горка

Есть в Севастополе район. Давно
Его назвали люди Красной Горкой.
От маков, что ли, всё кругом красно,
И отдаёт во рту травинкой горькой.
Я маленькой любила здесь гулять,
Тропинками знакомыми бродила.
Придя домой, садилась рисовать —
Служили краской красные чернила.
Я красным цветом красила поля,
И небо над полями полыхало.
На красной Горке красная земля
Должна быть, я наивно полагала.
Обидно улыбались мне в лицо,
Насмешек мне немало доставалось.
Я с плачем выбегала на крыльцо

И долго с той обидой оставалась.
И только старый Костя-инвалид,
Прошедший всю войну простым солдатом
И утверждавший, что нога болит
(А ногу потерял он в сорок пятом),
Мне говорил печально и светло:
— А ты не слушай их, рисуй...
Не скрою,
Здесь, дочка, столько люда полегло!..
Она и вправду красная.
От крови...
Давным-давно уже солдата нет,
Но что земля красна от крови, знаю.
Позднее я узнала: красный цвет —
И цвет любви, и флаги Первомая,
И звёзд Кремля далёкий ясный свет,
Салюта цвет в победном сорок пятом...
За то, что я открыла этот цвет,
Я благодарна старому солдату.

* * *

Качается в сёдрах август,
Позванивает уздою.
Качаются в сёдрах спины,
Кочует лесной народ.
Ни слов, ни речей. Молчанье,
Укачанное ездою,
И топот копыт усталых
Над сонной тайгой плывет.

Геолог — колдун, язычник —
Над буйным костром шаманит.
А ветер разносит искры,
И шорохи, и стихи.
Я — гостья, я — только гостья,
Но как меня властно манит

Гортанный и первобытный,
Тревожащий зов тайги.

О, стать бы твоей, геолог,
Попутчицей и звездою!

И опять до утра сочиняем стихи.
Сердце строки уже не вмещает.
А Господь нас за тяжкие наши грехи
Милосердно и мудро прощает.

Дерзкой кистью кидаем мазки на холсты,
Видом плоти толпу совращая,
А Господь с запредельной своей высоты
Видит всё и грехи нам прощает.

Этой мукой живя, эти ноты любя,
Вдохновенье в полет превращая,

Но, слабая, что я стою?!

Лишь напишу поутру
О том, как уходит лето,
Позванивая уздою,
И в небо взлететь палатка
Пытается на ветру...

Творчество

Мы терзаем рояль, мы уходим в себя,
А Господь этот грех нам прощает.

Мы — шуты, лицедеи, мы ярко горим,
Словно факелы, тьму освещая.
Над ареной, над сценой, над миром парим.
А Господь терпеливо прощает.

Нам, возможно, придется уйти раньше всех,
Но бессмертье стоит за порогом.
Ибо творчество — это единственный грех,
Поощляемый Господом Богом.

* * *

Любовь (я поняла давно) —
Судьбой дарованная милость.
Но как, наверное, смешно,
Что я в девчонку превратилась.

И как могли во мне совпасть
И перейти потом в безбрежность
Всепобеждающая страсть,
Всепоглощающая нежность?

А жизнь — то слава, то мольба,
То льстиво щурится, то косо.
И опухает голова
От риторических вопросов.

Не стану я гадалку звать,
Чтоб предсказания послушать.
Ведь так сплелись в объятьях души,
Что нас уже не разорвать.

2007 год

* * *

Не живи без любви,
Чтобы жизнь не казалась обузой.
Не насилий природу —
Иначе получишь сполна.

Ведь когда графоман
Принуждает к сожительству Музу,
Графоману в отместку
Рождает уродцев она.

Корнилов Владимир Васильевич — второе место в конкурсе подписчиков журнала «Доля» в номинации «Поэзия» решением профессионального жюри, третье место по голосам читательского жюри. Член Союза писателей России, член Международной Федерации Русских писателей, член Международной Гильдии писателей, член Союза журналистов России.

Победитель 8-го Всероссийского поэтического конкурса «Звезда полей-2008» им. Николая Рубцова, Лауреат «Сибирского литературного конкурса имени писателя Геннадия Карпунина — 2008» (г. Новосибирск) — награжден дипломом «Золотой Синильги», Лауреат журнала «Сибирячок» (Иркутск, 2009). За вклад в совершенствование журнала «Сибирячок» удостоен Знака отличия XV Международной профессиональной выставки «ПРЕССА-2008» с присвоением звания «Почетный член общероссийской организации «Золотой фонд прессы», Лауреат II международного поэтического конкурса «Звезда полей-2010» имени русского национального поэта Николая Рубцова, Лауреат II международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции-2010» (награжден дипломами и литературными премиями им. Владимира Даля и им. Юрия Каплана с вручением к ним именных медалей), финалист III международного фестиваля «Русский стиль-2010» — награжден дипломом и принят в Международную Гильдию писателей (Германия), победитель I-го этапа II международного поэтического конкурса «Золотая строфа-2010», полуфиналист IV международного конкурса «Литературная Вена-2010» (Австрия), финалист II Международного Гриновского фестиваля малой прозы «Алые паруса-2011» (Одесса, август 2011), Лауреат и Дипломант I, II и III этапов Четвертого Международного конкурса песенной поэзии «Зов Нимфея» (три первых и четыре вторых места в номинациях за октябрь, ноябрь и декабрь 2011 г.), Победитель Международного литературного конкурса «Поэтическое братство» (г. Тула, 2011) — награжден Дипломом за 1-ое место, Финалист IV-го Международного конкурса детской и юношеской художественной литературы им. Алексея Николаевича Толстого.

Автор 16 поэтических книг и одной книги прозы, изданных в Москве, Иркутске, Германии (две из них написаны для детей).

С 1994 года по настоящее время работает во Дворце детского и юношеского творчества г. Братска Иркутской области (Россия) методистом высшей квалификационной категории, передает литературный опыт юным дарованиям, пытающимся выразить свой внутренний мир художественным словом. На протяжении семнадцати лет ведет в своем городе «Литературные гостиные», пропагандируя творчество сибирских и российских писателей.

«Не живут здесь без веры в Православную Русь...»

Кузнец Корнила

Он не водил компаний бражных,
Не хороводился весной.
Но вот в Николин день однажды
Заслал сватов к вдове одной.
...Венчал его с соседкой Фросей
В церквушке сельской рыжий поп.
И всю деревню в эту осень
На свадьбе тряс хмельной озnob.
Отец напутствовал сурово:
«Ты, сын, про счастье не долдоны!
Оно серебряной подковой
Само не ляжет на ладонь!»
И день спустя у кузни старой
Корнила был уже с женой.
Вновь наковальня от ударов
Обряд творила грозный свой.
Бугрились руки мышцей каждой.
Пудовый молот: выдох-вдох...
С лицом, покрытым едкой сажей,
Он был красив, как в гневе Бог.
В поющем пламени горнила,
Нагрев до белых брызг металл,
Прародитель мой — кузнец Корнила —
Мою фамилию ковал.

* * *

Мчит нас поезд с женой на Запад —
К солнцу, к морю — на весь сезон.
Поменяем угарный запах
На целебный морской озон.
...Трое суток — и вот Анапа!
Проводницам за всё: «Мерси!»
На перроне — черней арапа —
Предлагает абреk такси.
Зазывает дешёвой платой —
Рядом с морем сулит ночлег.

Речью приторно-сладковатой
Цепко держит в плену абреk.
...«Тормозни-ка нам, шеф, у моря:
Копоть потную смыть с телес!»
И хозяин такси, не споря,
Мчит нас в гавань «Семи чудес»...
Солнце, персики, абрикосы,
Море с чайками круглый год.
Здесь не гложут тебя вопросы,
Отстранись от земных забот.

...Только пафос сказался ложным —
И не в радость морской озон:
Разве долго без дела можно
Пляжный выдержать весь сезон?..

И, прощаясь уже с Анапой,
И за всё ей сказав: «Мерси!», —
Помашу я легонько шляпой
Уходящему вслед такси.

13 января 2012 г.

Остывает душа у поэта

Остывает душа у поэта —
Всё мрачней и безрадостней сны.
Не пьянят ее запахи лета,
Ни цветущие зори весны.
...Вот и женщина мнится иначе —
Не сгорающей в страстном огне:
Тот напиток хмельной и горячий —
Он всё реже вскипает во мне...

Видно сердце сполна отлюбило
И, сгорев, превратилось в труху.
Но ведь помню, как душу знобило!
Как безумства дарил я стиху!
...Может, это всему передышка —
Осмысленье судьбы и грехов —
И в душе оказалось не слишком
Свежих сил для бессмертных стихов?

7 августа 2011 г.

Разговор с душой

Из ковша Большой Медведицы
Звёздной славы я не пил:
В дни «российской гололедицы» —
Всяк в ней душу остудил.
...Не бывает в жизни худшего,
Чем разбитые мечты.
Оглянись, душа, заблудшая!
Отряхнись от суеты!
Коли суть твоя утеряна, —
Лишь Творец ее спасет:

Вдосталь каждому отмерено
От Его святых щедрот.
...Но, пройдя сквозь мрак и тернии,
Обретём мы вновь с тобой
Благодать в часы вечерние
И согласье меж собой.
...Свой восторг отдам я зелени,
Светлым солнечным лесам.
...А тебе стремиться велено
К чистым горним небесам.

2010 г.

Вся жизнь наша в поисках смысла

Вся жизнь наша в поисках смысла,
Чтоб стать и мудрей, и сильней.
А возраст — абстрактные числа —
Цифри в сумятице дней...
И как бы нас бури не гнули,
И кто бы не правил страной, —
Мы солнышку рады в июле,
И звонким капелям весной.
...Прямой иль тернистой дорогой
Очерчены дни бытия —
Зависит, конечно, от Бога,
Но каждому — доля своя...

Пусть рай мы в глаза не видали,
Не всякий был сыт и одет, —
Но русской души не продали
Ни я, ни отец мой, ни дед...
И мы не искали бессмертья:
Нам ближе земные дела.
Но в вечной людской круговерти —
Нам компасом совесть была.
...И как бы нас бури не гнули,
Не грабил страну олигарх, —
Веселые песни июля
Звучат на родных берегах.

9 ноября 2011 г.

Праздник Зимний Никола

Тонкие снежные блёстки
Ангелы сеют с небес.
В инее белом березки
Сгрудились кучкой невест.
Всюду узоры в оконцах.
Весел и праздничен день.
Зимний Никола под солнцем
Льет колокольную звень.
...Музыкой горней* влекомы,
Люди к молебну спешат,
Чтобы у Божьей иконы

Вновь освятилась душа...
Возле церковной ограды
Много нарядных старух.
Крестятся — празднику рады,
Глянешь — заходится дух.
... Значит, еще не померкли
Радость людская и грусть,
Если толпится у церкви
Наша исконная Русь.

12 января 2005 г.

Зимняя элегия

Восхищаться перестали мы:
Словно плёнкой застит взгляд.
...В пышных шубах горностаевых
Нынче ёлочки стоят...
Русь зимой щедра подарками.
В лес войди — и удивись!
За серебряными арками
Здесь совсем иная жизнь...

Плюнь на мысли оголтелые!
Прочь о деньгах разговор!
И берёзок шали белые
Озарят твой мрачный взор.
Зазвонят лесные звонницы
О величье бытия,
И душа добром наполнится
Вновь по самые края.

10 января 1996 г.

* * *

Русь моя с её раздольем,
Хрусткий наст январским днем.
И горит... горит по вздольям
Снег малиновым огнем...
Кружева на снежных ветках.
В блёстках солнечный зенит.

В запорошенных беседках
Смех серебряный звенит...
Сам мороз, крутой по-русски,
Людям вбадривает кровь.
...И глядит на мир без грусти
Светлым праздником Любовь.

22 января 2002 г

В Сибири

Словно сказка живая
В расписных теремах, —
Так Сибирь вековая
Нынче вся в кружевах.
...Зимний утренний морок
Всюду мглист и тягуч.
За окном минус сорок —
Даже воздух колюч.
А мороз — аж дымится...
В белых шубах дома.
Но в сибирской столице
Мне по нраву зима.

Коль метель, — то до неба,
В рост медвежий снега.
Здесь не меряно хлеба
И богата тайга.
Здесь вином и закуской
В праздник вас угостят.
Коли пир, — так по-русски,
А обиду простят.
Если горе без меры —
Боль разделят и грусть.
...Не живут здесь без веры
В Православную Русь.

22 января 2002 г.

Горний* — небесный

Юлия Прокофьевна — победитель первого конкурса подписчиков журнала «Доля» в номинации «Поэзия» (читательское жюри). Ученица Владимира Корнилова, воспитанница детского литературного клуба «Братские роднички» (Дворец детского и юношеского творчества п. Энергетик, г. Братск). Ныне студентка IV курса Братского государственного университета. Участница III Всероссийского фестиваля школьников «Я вхожу в мир искусств» (Москва, 2007) — в номинации «Литературное творчество» награждена дипломом I степени (с публикацией ее стихов в коллективном сборнике «Самое главное» (Москва, 2007), участница Литературного фестиваля «Жемчужина Братска-2009» — награждена Дипломом I степени. Стихи Юлии публиковались в журналах «Детское творчество» № 4 (Москва, 2007); «Детская Роман-газета» № 10 (Москва, 2007); «Истоки» (Красноярск, 2008), а также в городских газетах «Знамя»; «Братский университет»; «Твоя газета».

* * *

*«Тьма, пришедшая со Средиземного моря,
Накрыла ненавидимый прокуратором город»*

M. Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Чёрная птица несётся,
Хмурился неба атлас.
Но ненавистного солнца
Луч ядовитый погас.
Свежестью жгучей дохнуло
С Лысой, Священной горы,
Пламя в сады полыхнуло,
Ливень вбежал во дворы.
Капли хрустальные с высоты
Бьются о мрамор дворца,
Об изумрудные листья,
Катятся с лестниц крыльца.

Взор прокуратора к саду,
Грустен бессмысленный взгляд.
«Яду, о Боги мне, яду» —
Думает Понтий Пилат.
Пасмурно в сумраке светлом,
Пуст одинокий балкон.
Только истерзанной ветром,
Слышан магнолии стон.
А над белеющим садом,
В лунной туманной тропе
Облик в белесо-кровавом
С красным подбоем плаще.

Ксана Етон**Поэзия**

Ксана Етон — третье место в первом конкурсе подписчиков журнала «Доля» (профессиональное жюри). Родилась и выросла в Донбассе, в г. Макеевке в семье инженера-металлурга и балерины. По профессии бухгалтер-экономист с блестящим знанием английского языка. Верит, что литература — ее призвание, намерена развивать данные Богом способности в этом и в будущем видит себя только на литературном поприще.

Жду тебя

Ты стекаешь по капле с ресниц
обесточенным бешенством —
оттого, что никак не принять мне
тотальное нет тебя.
Зачерствевшим невежеством
в области приторной нежности,
неумелой попыткой вдохнуть
расплескавшейся свежести
из тебя, как из воздуха, —
я обрастаю обетами.

В серых днях растворяюсь,
спадаю дождями осенними,
каждый раз находя себя в новых
холодных объятиях,
проходя сквозь чужие глаза, голоса,
руки, губы, постели,
становясь бледной молью, почти не цветною — пастельною,
среди грязных кварталов ищу для молитвы распятия.

Убегаю от снов — черно-белых, размытых отчаяньем,
снова падаю в пропасть, твоей нелюбовью убитою,
оставаясь все так же закрытой, опутанной путами,
и нон-стоп осыпаясь минутами, моясь печалями,
как водой родниковой, я все еще... жду тебя.
Жду тебя.

2011

Стареющий август

Холодное лето уже на исходе,
уже на изломе
стареющий август —
ветрами, дождями,
поблекшей листвою,
прервавшимся вздохом,

счастливым тобою —
усталою поступью август уходит...

Уже ночи стынут, предчувствуя осень,
и гонят куда-то —
толчками, пинками,

в затылок, и в спину...
Искрящимся взглядом
и влажным дыханьем,
твоим отраженьем
от лунного света — кончается лето...

До крика, до хрипа — мне хочется очень —
до белых костяшек,

до боли в суставах,
до яда по венам —
чтоб он не кончался,
надломленный август,
и чтобы тебя у меня не украла
промокшая осень...

2011

Дроблеными стеклами окна
тоскливо на небо глядят,
и грязь подоконников мокнет,
и форточки плачом скрипят.
Забитые хламом подъезды
давно не встречают людей,
и стала привычно уместной
пустынная тишина площадей.

Лишь ветры гуляют упруго,
копируя сбивчивость фраз,
уныло поют друг для друга
(без рук или ног и без глаз)
невзрачные куклы забытых
детей. Среди мусорных куч —
осколки от жизней разбитых
чернеют под тяжестью туч.

И ночи — как дни, дни — как ночи.
Колючие сполохи звезд
ничто никому не пророчат.
Волной раскуроченный мост
ведет в никуда. А на стены,
на древний и мрачный базальт,
впечатаны страшные тени,
ползущие швом на асфальт...

...Но вдруг прорастает, как прежде,
цветком серо-рыжая глушь —
то вьются ростками надежды
затерянных в вечности душ.

2012

Грустные, грустные ночи.
Странные, странные дни.
Времени рваные клочья.

Древние, мшистые пни,
темною зеленью — сосны,
ложной прохладой — вода.

Глупой шеренгою вёсны
дружно ведут в никуда.

Мокрые, вязкие хляби,
блестки рыбакской блесны.

Больной, измученной явью —
страшные, липкие сны.

Стройным гитарным аккордом
плавит весна тишину.
В глянцевом северном фьорде
я растворяюсь... тону.

Милые (милые?) люди
злобно пророчат беду.
Жизни не будет... не будет —
я без тебя пропаду.

2012

Художественный перевод***Проза***

Татьяна Варфоломеева (Калифорния, США) — первое место в конкурсе подписчиков журнала «Доля» в номинации «Художественный перевод (проза)» по решению профессионального и читательского жюри. Родилась и выросла в Сибири, в г. Красноярске.

В 1987 году окончила Иркутский Государственный университет иностранных языков. Переехав в Австралию, в 2006 году окончила магистратуру университета им. Монаша в Мельбурне. Сейчас проживает в США. Преподаватель английского и русского языков, аспирантка университета им. Дикена в Мельбурне. Работает над диссертацией о профессиональной идентификации в глобальном контексте. Участие в конкурсе и публикация в нашем журнале — её литературный дебют.

Читайте признанного в Австралии мастера короткого рассказа Пенни Лейн в переводе Татьяны Варфоломеевой.

Пыль

Эмили вяло провела веником по пыльному полу на кухне. Брови ее нахмурились, когда она услышала Эрика, пробормотавшего в кружку с пивом:

— Не могу дождаться того дня, когда можно будет свалить из этого гнилого места и перебраться в город. Вот умрет, наконец, старик, и я буду пить свое пиво на его веранде...

Набитый арахисом рот не позволил ему закончить свой монолог.

— Ну, вот и съезди к дяде в город до ужина. Отвези ему еду, — произнесла Эмили.

— Поезжай сама! А я устал, как собака!

Эмили собрала разбросанную по столу газету, с которой Эрик провел все послеобеденное время, и устало оперлась на длинную ручку метлы. Она выглянула во двор, где носились две собаки, то и дело впивавшиеся друг в друга зубами. Этот черный лающий ком двух сцепившихся собак глухо бился о металлическую сетку входной двери.

— Ты устал так же сильно, как те две дворняшки, — заметила Эмили.

— Не начинай! Мы вместе заживем припеваючи, когда дядюшка сыграет в ящик, — обрвал ее Эрик.

В это время один из арахисов выскочил у него изо рта и шлепнулся на стол. Эрик смахнул его на пол. Эмили взмахнула метлой в сторону ореха, открыла дверь и вымела его наружу. Муж проследовал за арахисом и зашагал прочь от дома. Собаки, словно проволокой, обвили хвостами его ноги. Эрик пнул их, и они съежились, но тут же понеслись вслед за своим хозяином через весь двор.

Хозяин же, покинув свой двор, пробрался через густые заросли высоких и тонких эвкалиптов и вышел на берег ручья. Усевшись подобнее на сухом месте, он стал разглядывать клубы пыли, которые медленно то взлетали вверх, то оседали на землю.

Все последнее время единственное, чем ему оставалось заниматься на своей маленькой ферме, так это разглядывать клубы пыли и развлекаться со своими собаками. Он знал, что у соседних фермеров дела шли хорошо. Но каким трудом это достигалось! Чертовски трудная доля успешного фермера! Какой смысл вот так вкалывать ему, Эрику, когда его дядя вот-вот сыграет в ящик?! Еще немного, и дядюшкин дом, и деньги достанутся ему.

Он, было, почувствовал себя виноватым перед Эмили и ее кастрюлей, трясущимися в этот момент по дороге в город без него. Будь проклята эта женщина, заставившая его чувствовать себя виноватым! Черт возьми! Пожалуй, она вполне может остаться здесь, в этой пыльной дыре, когда он переедет в город...

Эмили вернулась уже по темноте. Эрик сидел за кухонным столом, бросая собакам арахисовые орехи в открытую сетчатую дверь. С легким треском билась внутри лампового абажура моль.

— Негодный бездельник! — ругнулась Эмили, хлопнув дверью.

Эрик улыбнулся. Он наслаждался мыслью, что скоро, совсем скоро уедет в город, уедет без нее...

— Ну, как старик?

Эмили решила, что улыбка его вызвана предвкушением ее сообщения о том, что выглядит дядюшка значительно хуже, чем раньше.

— Бледный, — сказала она.

— Что, смертельно бледный?

— Он снова, как в прошлый раз, сидел на своей веранде. Сказал: «Жду рассвет!» Как думаешь, он всю ночь так может просидеть там?

— М-м-м... Возможно, на той веранде он и встретит свою смерть.

— Он даже не захотел поесть.

— Возможно, он умрет от голода...

— Все, о чем он мечтает, это увидеть рассвет, сказал напоследок твой дядя.

— Он всегда был чертовски поэтичным. Вечно болтал то об утреннем тумане, то о восходе, то о ранней пташке, поймавшей червячка. Что ж, пришла пора червякам заняться им. — Улыбнулся Эрик.

Эмили уставилась на дохлую моль, валявшуюся на полу. Она уберет ее завтра. Может,

получив наследство от умершего дяди, Эрик переберется в город, а она сможет остаться здесь? И тогда ей удастся избавить свой дом от пыли и моли!

Старенькому дяде довелось встретить еще три утра. Единственный в городе адвокат уладил все необходимые формальности, связанные с похоронами. Эрик и Эмили пришли в церковь первыми, сели в первом ряду, рассчитывая на то, что народу соберется совсем немного. Их очень удивил гул и шарканье множества ног позади себя.

— Ты только посмотри на эту толпу! — оглянувшись, произнес Эрик.

— Мы здесь единственные, одетые подобающим слушаю образом. Все остальные разодеты так, словно собирались на вечеринку.

Адвокат, проходя к первой скамейке в другом ряду, кивнул Эрику и Эмили. С ним была женщина в ярко розовом шифоновом наряде. Она села рядом с адвокатом.

— Надо же, вся розовая! Прямо, как леденец на палочке! И это на похоронах-то! — заметила Эмили.

Служба длилась недолго. Прихожане весело и энергично пропели полагающийся псалом, адвокат коротко произнес прощальную речь.

— Что за вздор он там нес про то, что вся дядина жизнь была лишь одной большой вечеринкой и что все дни напролет он то и дело веселился да выкаблучивался на танцах! — высказывал Эрик свои мысли вслух Эмили, когда они шли за гробом под полуденным солнцем. — Ерунда какая-то!

Эмили же, оглянувшись назад, увидела, что их догоняют адвокат и «леденец на палочке».

— Ну что же, думаю, все прошло хорошо, — сказал адвокат, подходя к ним и хлопая Эрика по плечу. — Коротко и весело, прямо как ваш дядя хотел.

Адвокат протянул руку к женщине, стоявшей рядом с ним, крепко сжал ее локоток, покрытый розовым шифоном, и развернул ее лицо прямо к Эрику и Эмили. Улыбнувшись, он произнес:

— Я хочу представить вам наследницу вашего дядюшки. Знакомьтесь — госпожа Рассвет.

Художественный перевод**Поэзия**

Тамара Гордиенко (г. Севастополь, Крым, Украина) — первое место в конкурсе подписчиков журнала «Доля» в номинации «Художественный перевод» (решение профессионального и читательского жюри).

Из Лины Костенко

Цветет танем!*Сильве Капутикян*

Спалили их жилища. Защитников убили.
Бредут дорогой тяжкой изгнанники в тоске.
Родной язык в дороге чтоб дети не забыли,
Им литеры выводят армянки на песке.

А ветер, ветер, ветер!..

Какой палящий ветер!

Обугленные лица сечёт, сечёт, сечёт!
Лишь выведут то слово из древней вязи литер,
А слово же без корня — и ветер унесёт.
И где-нибудь в пустыне съедят его верблюды.
И вырастут армяне немыми — так, как в старь.
Бредут, бредут изгнанники — бездомные те люди.
Ни крыши, ни приюта — а на уме букварь!
Все храмы их сгорели. Мужчины их убиты.
Колокола утоплены в озере Севан.
Как выжить им? Как жить им?

На той кровавой битве

Не месяц в небе всходит — турецкий ятаган.

А ветер, ветер, ветер!..

Как треплет косы ветер!

Когда же он устанет песок в глаза бросать?
И некогда писать им те маленькие литеры.
И не на чем писать им. И нечем им писать.
Лишь в редкие минуты, когда привал находят,
Когда в повозки женщины ещё не запряглись,
Те буковки армянские, как стебельки, выводят,
Слезами поливают — и буквы принялись.
В песках пустили корни — а ветер, ветер, ветер!
Бредут дорогой тяжкой изгнанники в тоске.
А по пустыне жгучей ростки армянских литер,
Как травы, прорастают в палящем том песке.
Их чьи-то кони топчут, их ветер рвёт и косит.
Они ж — растут в легендах, как зелень по весне.
— Цветут танем! — прощаешься, армяне произносят.
Та боль мою стала. Печаль твоя во мне.

Из Дмитрия Кременя

* * *

И силуэтик молодого месяца,
И менуэты стройных тополей,
И чудо — когда с неба манна сеется
Живительной метелью вдоль полей,
И сельский клуб, и та библиотека,
Которых нет давно — et cetera...
Да ведь прошло уже почти полвека,
Как миновала юности пора.
Здесь нынче «зона» в старенькой обители,
И утлыи чёлн на молодой реке...

Когда-то щёголь-лётчик в синем кителе
Здесь с кейсом дефилировал в руке.
Под ручку с ним — блондинки-стюардески...
В мечтах приходит молодость ко мне,
Как будто в Храме проступают фрески
На варваром побеленной стене.
И есть молитва о насущном хлебе,
И милостыню просит нищий здесь.
Лишь нет в навек осиротевшем небе
Ни лётчика того, ни стюардесс...

Из Игоря Павлюка

Хортица

Здесь печали напьюсь, голубой, словно даль непочатая.
Здесь прибрежный песок, может, глубже, чем воды Днепра.
Горизонт разрывает на части здесь хата крылатая
Крестовинами окон, с которых не спала кора.
Здесь пером не возьмёшь.
Ни к чему здесь метафора длинная.
Здесь разгульно и вольно душе,
Словно сабле в бою.
И не спрятаться здесь никуда мне от Бога единого...
Но зачем это мне?

Ведь люблю Его, а не боюсь.
Имена казаков, словно трели звучат соловьиные.
Здесь я с каменной бабой целуюсь до смерти, взасос.
Здесь ни пены, ни грязи —
Лишь суть да преданья былинные.
Здесь далёкому предку на звёзды смотреть довелось.
Словно осень, разлита вокруг кровь его золотая...
Я же — вещий! Я — вечный отныне! Спасибо судьбе!
Кураи, словно волосы ведьмы по ветру летают,
До Оси, до хребта казака привязала к себе.
Этот день привязала.
Слезою тягучею длинной
Вниз по сабле душа поплыла —
Где-то там проросла бурьяном.
Остров Хортица — Русь
Не окраина..
А Украина.
Только жаль:
Украина — не Хортица очень давно.

Ксана Етон (г. Макеевка, Донецкая область, Украина) — второе место в конкурсе подписчиков журнала «Доля» в номинации «Художественный перевод» (решение профессионального и читательского жюри).

Симфония в желтом

(из Оскара Уайльда)

На бабочку желтую странно похожий,
омнибус ползет через мост.
Тревожною мошкой случайный прохожий
ложится на осени холст.

Огромные баржи с желтеющим сеном
тенистый причал стерегут.

Как шарф шелковистый, туманные тени
над пристанью виснут, бегут.

Задумчиво с храмовых вязов сердитых
летит увядающий лист.
У ног моих Темза охристым нефритом
танцует изломанный твист.

2012

Пророчество

(Автор английского стихотворения — Элинор Уайли)

Я, скрытая в хижине, буду лежать
среди чащи леса из старой ольхи,
и задняя дверь — на засов, как и та,
что спереди; обе темны и тихи.

Я буду лежать в пеленах, как святая,
душистой льняной простынею объята.

Украсит кровать полоса голубая,
худую меня и холодную спрятав.

И полночь пребудет зеркально-черна —
нетленной душой я в нее улечу.
А ветер, прорвавшись сквозь щели окна,
задует, навеки погасит свечу.

2012

Тамила Каракаш
(г. Ялта, Крым, Украина)

— третье место в конкурсе подписчиков журнала «Доля», номинация «Художественный перевод», по решению профессионального и читательского жюри. Студентка V курса Таврического национального университета, факультет иностранных языков (г. Симферополь), корреспондент Информационного Агентства. Любовь к литературе ей с детства привил папа, поэт и писатель Александр Ахаев.

Отрывок из “Die Brück’ am Tay” (Теодор Фонтане)

Мост реки Тэй

...

Вот, наконец-то, поезд идет.
Борясь с непогодой, он мчится вперед.
Джон говорит: «А мост ничего!
И наша заслуга в работе его.
А поезд каков! Представьте себе,
Ведь он победитель в любой борьбе!
Стихию с легкостью он победит,
Бушует, борется и бежит.
А что бы мы делали без моста?
И если вернуться немножко назад,
Не было этого раньше, тогда,
Везде только горе и только нужда.
Как многие люди, я был не прочь
С весельем отметить прекрасную ночь,
Что называется Рождеством,
Я многое видел, ликую о том».
С северной части находится дом,

На юг направлены окна в нем,
Толпа, что внутри, без отдыха, сна,
В сторону юга устремлена.
Там ветер сейчас всё сильней бушевал,
И огненный шар будто с неба упал.
Всё великолепиепало на дно
Прям в воду. Стремглав. И ночь кругом.
«Когда мы встретимся втроем?»
«К горе мы в полночь все идем».
«Там, где болото, где ольха».
«Я буду».
«Я тоже приду туда».
«Погибших число я вам назову».
«А я имена». «Я про муки скажу».
«И стало осколком все то, что было,
Ведь мы раскололи, и мы разбили».
«Как та безделушка строенье людское.
Оно, как по мне, ничего не стоит».

Владимир Щербаков

Малая проза

Владимир Щербаков (г. Аксай, Ростовская область, Россия) — победитель конкурса подписчиков журнала «Доля» в номинации «Малая проза» по решению профессионального жюри, второе место по голосам читателей. Известный судебно-медицинский эксперт, специалист в области криминалистики, полковник медицинской службы запаса, кандидат медицинских наук, профессор. Участие в конкурсе и публикация в нашем журнале — его литературный дебют.

Свидетель

Произошло это на самой окраине СССР, в Советской Гавани, в 1991 году, на излете эпохи «развитого социализма». Я тогда был подполковником, служил начальником судебно-медицинской лаборатории флотского объединения. Лето стояло традиционно туманное для этих краев, холодное, а потому — мерзкое.

Тем июльским, типичным влажно-серым утром служебная машина в очередной раз «захворала» чем-то в карбюраторе и в контору мне пришлось идти пешком. Естественно, я, увлажнившись туманом, продрог и нахмурился на весь оставшийся день.

Во дворе конторы меня встретил санитар из матросов Андрюша Романов. Спрашиваю:

— Что у нас сегодня плохого?

Переступив с ноги на ногу деревенским «ваньком», Андрюша доложил, что на улице нас ожидает «больной». Значит, труп. Во дворе оставляли только гнилостно измененные трупы. Выходит, больной — не «Шанель» №5.

— Когда привезли?

— В три утра, — ответил Андрей обычно, давая мне понять, что он «сам, все сам сделал!»

— Постановление?

— Обещали представить к 10-ти утра.

— У кого дело в производстве?

— Направление от Меркульева, — пожал плечами санитар.

— Сильно гнилой?

— В зал нежелательно...

— Ладно, работаем во дворе — мух немного сейчас. Молодец, правильно распорядился, пора поощрять...

Андрюша воссиял от похвалы и засуетился в неукротимой старательности, пока я в кабинете называнивал прокурору гарнизона Меркульеву. Занято, занято, занято... Но вот, услышав длинные гудки, я обрадованно сосредоточился, приготовившись к диалогу, как вдруг последовал срыв, и гудки превратились в короткие... Бли-и-ин! Не отрываясь от телефона, потянулся за сигаретами и, подразумевая Меркульева, буркнул в полголоса: «Паразит...»

— Это вы о ком?

Незнакомый женский голос прозвучал от порога кабинета, где стояла худенькая женщина в потертых джинсах и серой шерстяной кофте.

«Господи, — думаю. — Это еще что за ... организм?»

Волосы прямые, светло-русые, глаза серо-голубые, запавшие, сама сутуловатая, вся какая-то затаенно-нервозная. Новенькая в ментовке?

— Да так, о своем... А вы, собственно, кто, мадам?

— Владимир Владимирович, если вы это о Меркульеве, то напрасно — вот постановление о назначении экспертизы.

Она протянула весьма нужный мне листочек казенной бумаги. «Постановление» прозвучало, как пароль, и внесло некую определенность. Я делаю вкусную затяжку, пригласив «мадам» присесть.

Да, докатились менты, доперестраивались! Видать, мужиков на следственную работу уже никаким калачом не заманишь! Вот она, «моя милиция», которая «меня бережет» — сидит передо мной на диванчике, обхватив свои остренькие коленочки тонкими бледными пальчиками. Тяжеловатым взглядом уставилась на книжный шкаф. Сейчас начнет завязывать отношения на основе содержимого книжных полок, поведет умные разговоры...

Но «худышка» молчала, не мешая мне читать постановление. Итак, «...недалеко от СУ-240 обнаружен труп военного строителя рядового Махотина с признаками насильственной смерти, закопанный в землю... рядовые Шведов и Изекенов по предварительному сговору на почве недовольства требовательностью назначенного старшим Махотина совершили убийство последнего... на месте убийства обнаружены: анкерный болт, 2 бутылки из-под шампанского, половина кирпича... на широкой части болта обнаружены волосы...»

Так-так... Вопросов к медэксперту, как обычно, много. Читаю, читаю:

«...какой частью болта... сколько ударов по голове... в какой последовательности... что явилось причиной смерти...» и т.д., и т.п.

Что ж, теперь ясно, «что хотел хотеть» товарищ прокурор. «Цели определены, задачи поставлены, за работу, товарищи!»

Пока читал, боковым зрением видел, как «худышка» посматривала на меня. Какой у нее буравящий взгляд! Обычно это свойственно черноглазым. У нее же — глубоко посаженные, серо-голубые и буравящие. Лицо, явно, переутомленное — землистый оттенок бледности кожи, подчеркнутость мелких складок, особенно по краям глазниц, мелкая сосудистая сетка на конъюнктивах глаз, суховатость губ. По внешности, эта мадам страдает гастритом с пониженной кислотностью, не исключена гинекологическая патология... Следовательно, могут быть проявления дурного характера! Все это мгновенно пронеслось в голове. Поставив свой мысленный диагноз, еще раз отметив нестандартность глазенок, я поинтересовался:

— На вскрытии присутствовать будете?

Спросил формально, ибо общеизвестно, что сыщики стараются избегать вскрытия, как черти ладана. Услышав ее «Обязательно! Мне прокурор разрешил», я мимоходом удивился — ведь, если она из милиции, это ее право, и разрешения прокуратуры не требуется. Да, не мешало бы мне «зацепиться» за это, если я такой умный... Но я надел халат, kleenчатый передник, взял фотоаппарат, масштабные линейки и, закатав рукава, вышел во двор конторы.

Туман слегка рассеялся, но теплее от этого не стало. Отснял общий вид трупа, размещенного Андреем на деревянном помосте, специально сколоченном для подобных случаев. Пока санитар снимал с него одежду, выкурил очередную «вкусную» сигарету, успев побеседовать с подошедшим застенчивым и неуверенным старшим лейтенантом-дознавателем. «Нормальное, обычное дело... Непонятно, зачем менты прислали своего человечка в лице этой мадамы? Из перестраховки?» И вдруг я на мгновение ощущил себя под колпаком чьего-то пристального внимания, контролирующего ход моих мыслей. Чувство было мимолетным, скорее, подсознательным, но неприятным.

Подошла «худышка». Я ей сказал:

— Здесь, в принципе, все ясно — откры-

тая черепно-мозговая травма, — и показал на рану в затылочной области, где был виден вдавленный перелом черепа.

Женщина посмотрела туда с холодным выражением лица, и деловито-спокойно молвила:

— Это мне было ясно еще до того, как его откапали. Доктор, один из убийц врет, что бил его ножом в грудь. Этого не было.

— Да ну что вы? Какая грудь? Там все чисто! И спина без единой царапины! Андрей, переверни труп...

А в голове мгновенно пронеслось: «Стоп! А почему ты так уверен в этом? Ведь ты еще этого не видел... Как и эта мадам, впервые смотришь... Самонадеянно, друг мой, самонадеянно!» А «худышка» буквально продолжила мою мысль, проговорив:

— Будьте внимательнее, доктор, пожалуйста, будьте внимательнее! Я могла что-то упустить.

— Да уж куда внимательнее, голубушка!

— Пробурчал я, испытывая недовольство собой. — Давайте уж тогда пристально посмотрим и подмыщечные впадины.

— А это зачем? — Спросила женщина.

— Вы знаете, как умер Эдгар Гувер?

— Нет, а кто это?

— Директор ФБР времен холодной войны. Есть версия, что его умертили, введя шприцем в подмыщечную впадину смертельную дозу наркотиков. Кожа в этом месте со множеством складок, точечную ранку спрятать проще простого. И мало кто из прозекторов осматривает эти зоны на трупе. Вот и получается, что смерть наступила от «острой сердечной недостаточности»... Это я к вопросу о тщательности осмотра. Потому как к нашему случаю это имеет весьма отдаленное отношение. Когда убивает военный строитель другого военного строителя, его фантазия, как правило, не взлетает далее какого-нибудь тупого твердого предмета. Вам как сыщику такие вещи знать не мешает...

Я манерничал, рисовался перед «мадам», чего уж скрывать...

Она же, терпеливо выслушав мой менторский монолог, спокойно молвила:

— Насчет Гувера, конечно, познавательно. Но не для нас, верно. Признайтесь, док-

тор, это вы так, из пижонства? Я, вообще-то, не сырщик...

— Обиделись? Ну, не сырщик, — пошел я на мировую, — следователь.

— И не следователь.

— Не понял... А кто же вы?

— Я его сестра.

— Кого? Чья сестра?!

— Махотина.

Если б рядом разорвалась граната, это убило бы меня меньше.

— К-как, сестра? — Спрашиваю, чувствуя, что проваливаюсь от стыда сквозь землю. — Какая сестра?

Я цепляюсь глазами за санитара Андрея, за стеснительного старшего лейтенанта-дознавателя, пожимающего плечами, давая понять, что он тут не при чем, хоть это сущая правда.

— Родная сестра, старшая, — говорит «худышка».

Серию следующих вопросов я задавал предельно членораздельно, повышая голос постепенно.

— Что вы здесь делаете? Кто разрешил?! Кто вас сюда доставил?! Старший лейтенант! Что это за разврат?! Почему родственники присутствуют на вскрытии??!!

Я орал на них, понимая, что лопухнулся сам, сам! Правда, их взгляды выражали осознание их собственной вины.

Первой опомнилась «худышка»:

— Я же вам сказала, что прокурор разрешил мне быть на вскрытии...

— Как? Меркульев разрешил?! Он точно разрешил? — сверлю взглядом дознавателя, а мысленно воплю: «Он что, умом тронулся? У него все дома?!»

— Так точно, товарищ подполковник.

Минуты три я молчал, отупело глядя вниз. Господи, как же стыдно, как стыдно! Если об этом узнает кто-нибудь из коллег... Вот попал, а! Вот это прокол! А ведь узнают, наверняка... Придя в себя после глубокого и медленного выдоха, я сказал как можно более ровно:

— Мадам! Продолжать работу в вашем присутствии я не могу и не буду. Очень прошу, уйдите... куда-нибудь!

Они с дознавателем безропотно удалились,

проводимые Андреем в мой кабинет, а я автоматически, преследуемый чувством неотлипчивого стыда за допущенную оплошность, завершил свою работу. Ладно, прокурор ей разрешил... Его проблемы. Но я-то, я-то?! Ведь прекрасно не понаслышке знаю, что родственники погибшего — люди, у которых под тяжестью груза несчастья нередко смещаются акценты в восприятии даже предельно простых фраз. Они свободны от моральных тормозов и нередко ради искомого результата, нарисованного больным от горя воображением, ищут «козла отпущения» среди тех, кому по долгу службы надлежит разбираться в произошедшем. В поисках истины, они способны «вытереть ноги» об любого, кто не согласен с их версией. Их нельзя в этом винить. Их нужно понимать и хоть как-то оборонять себя от этого. А я сам, сам сегодня себя подставил! Еще и рисовался при этом! Я позорнейше опростоволосился! И если эта «худышка» окажется стервой... Да, день мерзкий: машина сломалась, прокурор — придурок, а я так вовсе — кретина кусок! Но делать нечего.

Я зашел в кабинет. «Худышка» сидела на прежнем месте, но уже не разглядывала книги, а твердо и выжидательно смотрела мне в глаза сухим взглядом утомленного человека, готового работать дальше.

— Ну что ж, давайте поговорим. Итак, вы сестра Махотина. Откуда прибыли?

— Из Тольятти.

Издалека. Теперь понятен ее утомленный вид.

— Сочувствую. Вам сообщили о смерти брата, и вы...

— Нет. Маме из части прислали телеграмму, что Саша куда-то исчез, его ищут. Но я уже знала, что брат убит.

— Не понял... Как это, знали? — Спросил я, давя в себе неподдающееся определению предчувствие.

— Доктор, я это видела.

— Это как? — Я уже не скрывал свое сомнение в ее психическом здравии.

На всякий случай уточнил ее имя-отчество. Мария Емельяновна Фокина, по мужу. Нормально, здраво ответила.

— Я вижу, вы мне не верите. — Худыш-

ка впервые отвела свои глаза в сторону и скрестила на животе беспокойные руки, чтобы как-то унять их.

И вот тут я услышал рассказ, который прояснил многие вопросы. При этом он нанес моему материалистическому мировоззрению непоправимый ущерб. Нисколько не драматизируя, я вынужден был сам для себя признать, что «худышка» заставила меня пережить то, что называли средневековым ужасом перед неизведанным. А после прочитанных брошюрок о сатанизме, черной магии, каббале, мистике, экстрасенсах это имело просто резонансный эффект.

— В середине июня, — начала рассказ Мария Емельяновна, — именно в тот день, когда исчез Саша, мне приснился сон. Точнее, это было видение. Я не спала, просто лежала с закрытыми глазами. Это было полудрема-полубодрствование.

Около четырех утра я почувствовала необъяснимое беспокойство, потом жуткий страх и оцепенение от безысходной неотвратимости. Я отчетливо увидела бетонную площадку, забор, в удалении недостроенные дома, земляную насыпь и Сашу на этом фоне.

Он смотрел на меня так, будто прощался навсегда. Позади него стояли две человеческие тени, как и он, в форме. Но лиц их я не разглядела. Какие-то безликие... Один из них сзади занес над головой Саши предмет, похожий на молоток, дважды ударив им его по затылку. У Саши подкосились ноги.

Я на мгновение очнулась. Открыла глаза, встряхнула головой, чтобы отогнать это жуткое видение. Уже светало. Муж и дети спокойно спали. Сердце мое колотилось, я ужасно замерзла. Взяла из шкафа плед, укрылась, попыталась уснуть. Но закрыв глаза, я тут же увидела продолжение. Только как будто через кадр. Я не видела, как Саша падал. Видение включилось, когда те двое волокли его к насыпи. Там они его и закопали. Это было, как черно-белое кино в замедленном показе...

— Минуту... Можно, я закурю? Вы сами не курите?

— Да, пожалуйста. Я не курю. Спасибо, доктор! Не беспокойтесь, я не собираюсь

плакать. Рада была бы, но... давно уже не могу. Я продолжу...

Она сделала небольшую паузу, как бы собираясь с мыслями.

— Все дни я ходила под впечатлением от увиденного. Вплоть до получения телеграммы от Сашиного командира. Он сообщал, что Саша покинул часть, просил немедленно телеграфировать, если Саша появится дома. Сейчас многие дезертируют. Но Саша не такой, он не способен на это. Был не способен... Поэтому я собралась и прилетела сюда. Когда пришла в часть, то недалеко от нее увидела то самое место.

— Какое, «то самое»?

— Где его убивали. Я его уже видела той ночью... Я сказала командиру, что Саша здесь, что он убит. Мне, конечно же, не поверили. Но были очень тактичны, вежливы. — Женщина усмехнулась. — Решили, что я ненормальная. Проводили к прокурору, тоже тактичному и сомневающемуся в моей психике. По моему настоянию он дал мне нескольких солдат.

Я мысленно ахнул! Ай да Меркульев! Для прокурора такой шаг очень нестандартен. Вот это ход! Снимаю шляпу!

— Нас было семь человек, когда мы пришли на стройплощадку. Солдаты и вот, Александр Николаевич, — женщина кивнула в сторону дознавателя, который тут же согласно закивал головой. — Я стала лицом к земляной насыпи и поработала руками...

Она так и сказала — «поработала». При этом выставила вперед свои тонкие руки и веером развела пальцы.

— Я закрыла глаза, в сознании всплыла та же картина. И я пошла к Саше... Но рядом с насыпью видение оборвалось. Я замерла, ничего не могла понять, стала нервничать, потому что появилась какая-то неуверенность. Что Саша здесь, мне подавало сигнал покалывание в ладонях. Я не выдержала и закричала: «Ребята! Он здесь, в этом секторе, ну помогите же мне!». Двое солдат испугались и убежали, а трое оставшихся нашли Сашу. Он был всего в 15-ти метрах от нас, на пригорке — из-под земли торчал носок его сапога.

В кабинете воцарилась тишина. Не знаю,

как другие, но мой мозг упрямо отказывался от серьезного восприятия услышанного. Он, мой реалист и материалист, выступовал в черепной коробке всего три слова: «Не может быть!» В такт ему в полнейшей тишине с жужжанием билась в оконное стекло заблудившаяся муха.

— Так и было? — Спрашивала у дознавателя в надежде, что помимо меня в кабинете есть еще хоть один здравомыслящий.

— Так точно, товарищ подполковник!

— И что, она вот так ручонками, как антенной «поработала», и вы нашли труп?

— Так точно, товарищ подполковник! Один из убежавших сознался, что участвовал в убийстве. А вечером Меркульев арестовал второго гаденыша.

Муха то ли нашла форточку и улетела, то ли затаилась на время. В кабинете наступила пауза. Я отказываюсь что-либо понимать. Меня дурачат?! Это же все равно, что получить телеграмму из Африки: «Сынок, родной, встречай! Твой пapa, Нельсон Манделла».

— Нет... ну, это же фантастика! Мария Емельяновна, вы что, экстрасенс?

— Не знаю, не люблю это слово. Но, может быть, и да. Потому что близких мне людей я чувствую как-то особенно. Мне временами сдается, что я даже читаю их мысли. Они этому уже не удивляются.

— Знаете, Мария Емельяновна, мы-то с вами, вроде, не родственники. Но мне сдается то же самое. Вы дважды продолжили вслух то, о чем я мыслил.

Она лишь пожала плечами.

— А кем вы работаете?

— Наладчицей на заводе.

— То есть, к медицине никакого отношения не имеете?

— Нет, не имею. Но когда кто-то из родных болеет, я точно ставлю диагноз. Врачи, правда, обижаются, если наши мнения расходятся. Но я всегда оказываюсь права.

— А сами вы это все как-то можете объяснить?

На это она никак не ответила, зябко пожав плечами. Я занялся оформлением необходимых документов. Пока выписывал свидетельство о смерти, возник еще вопрос.

— А почему вы говорили об ударе ножом?

Тут женщину опередил старший лейтенант:

— Товарищ подполковник! Тот, который сбежал с места происшествия, сам явился потом в прокуратуру, упал на колени и заявил, что он убил Махотина ножом в грудь.

— Вот уж дудки! Это он под дурака зачем-то косит. Зачем, Меркульев разберется! Воздействие острым предметом исключено. Это я уже имел оплошность вам продемонстрировать, — сказал я, кисловато усмехаясь, искоса поглядывая на женщину.

— Доктор, вы напрасно плохо думаете обо мне — я не стерва и кляузы писать на вас не собираюсь. Я просто не умею этого делать.

Я оцепенел.

— Мария Емельяновна, вы хотите меня доконать?

Но и напоследок она заставила меня еще разок потрепетать, заявив, что в моем кабинете, как раз на уровне левой части рабочего стола, она чувствует какой-то источник какой-то там энергии посредством покалывания в ее ладонях. На этом мы и расстались.

На следующий день я на всякий случай вызвал радиологов для измерения фона радиоактивности. Чем черт ни шутит?! Фон оказался в пределах нормы, но стол я все равно передвинул в другое место. Смеялся над собой не меньше других, но... Смейтесь, паяцы, смейтесь над разбитой верой в незыблемость материализма. Тем более что по результатам следствия и экспертизы сестра погибшего оказалась права по многим принципиальным моментам. И вообще, без «худышки» труп Махотина могли не найти вовсе. Я впервые подумал, что начинаю верить в то, что продукцию одного мозга может улавливать мозг другого человека. А почему, собственно, мозга? А душа? Прекрасно пойму тех, кто скептически улыбнется сейчас. Пойму их, своих собратьев по интеллектуальному увечью. Пусть усомнятся они в моем психическом здравии, а заодно и в нормальности ума Раймонда Моуди, Сюзанны Кюблер-Росс, Моритца Роулингза и прочих исследователей NDE-феномена. Но то, что случилось в Советской Гавани, — было, и я свидетельствую...

Сейран Сулейман

Малая проза

Сейран Сулейман (Крым, Украина)

— победитель в конкурсе подписчиков журнала «Доля» в номинации «Малая проза» по голосам читателей, обладатель второго места по решению профессионального жюри. Крымскотатарский поэт, писатель, переводчик с образованием филолога-турколога. Член НСПУ, заместитель председателя литературного объединения «Ильхам» («Вдохновение») в г. Симферополе, ответственный секретарь Крымской республиканской газеты «Янъы дюнъя» («Новый мир»). Автор трех сборников собственных стихов. Его произведения включены в антологии поэзии и прозы крымскотатарской литературы, изданы в ряде литературных сборников и журналов Украины, Турции и Азербайджана. Победитель Международного конкурса рассказов им. Махмуда Кашигари (Турция, 2008 год), участник множества различных семинаров и симпозиумов поэтов и переводчиков, представителей тюркских культур. На русском языке начал писать совсем недавно.

У порога родного дома

Когда бабушка Гульзаде вышла на нужной ей станции, солнце протягивало земле свои яркие, теплые лучи. Народу вокруг было много — кто-то уже приехал, а кто-то, наоборот, только готовился к отправлению в путь. Пожилая женщина долго добиралась до этого места. Ехала на поезде не с одной пересадкой. В дороге она плохо спала. В голове билась лишь одна мысль — во что бы то ни стало успеть добраться до дома!

На станции бабушка Гульзаде села в автобус и уже через час вышла на остановке, недалеко от которой было то самое село, где она родилась ровно 70 лет назад. Прибли-

жаясь к родному селу, пожилая женщина внимательно всматривалась в окрестности, словно хотела убедиться, туда ли она попала. Тут, на одной из улиц, находился отчий дом.

Бабушка Гульзаде шла медленно. В душе чувствовала и радость, и волнение, и даже тревогу, причины которой сама не знала. Всего месяц назад она выписалась из больницы, и перенесенная операция на сердце изредка давала о себе знать. Конечно, если врачи узнают о её «путешествии», они будут очень недовольны.

Бабушка Гульзаде оглядывалась по сто-

ронам и не верила самой себе. Сейчас она вновь шла по своему селу, словно и не было разлуки. Разлуки, которая длилась целую жизнь — шестьдесят лет... За это время многое забывается, но не всё стирается из памяти. Особенно приятны детские годы, беззаботные, счастливые дни.

— Надо же, — подумалось ей. — Еще недавно я бегала по этим местам. Еще недавно я была маленькой девочкой с длинными косами, а теперь...

Ах, время, дорогое время, которое мы зачастую не ценим. Иногда хотелось бы что-то вернуть, что-то исправить, но ухватиться уже не за что — ушло безвозвратно. Только начинаешь осознавать цену времени, а его уж почти не осталось...

— Отсюда брат и отец ушли на войну, отсюда нас с мамой и сестрой Хатидже увозили вместе со всеми...

Старушка даже не заметила, когда из её глаз пролилась первая слеза.

— Нет, я обещала себе, что не буду плакать! Я должна беречь силы, чтобы добраться до дома, — уговаривала она себя.

Проходившие мимо местные жители впервые видели в своем селе эту женщину и удивлялись, что она шла с мокрыми глазами, пристально глядываясь в каждый дом. Откуда им было знать кто она, откуда...

Когда бабушка Гульзаде уже почти дошла до дома, в котором она родилась, рядом с нею на довольно большой скорости промчался грузовик. Внезапно поднявшаяся пыль некоторое время мешала ей дышать. Но женщина даже не остановилась. Она вообще не собираясь останавливаться ни на миг. Тем более сейчас, когда до родного порога оставались считанные шаги. Да и могло ли вообще что-то остановить её, пережившую за свою жизнь столько трудностей? Нет, только не сейчас!

Правда много-много лет назад, когда она впервые попыталась вернуться в родной дом, это все же случилось. Тогда в Симферополе её вместе с семьёй — мужем и двумя детьми — задержала крымская милиция. Работники милиции, узнав, что на полуостров «самовольно переселилась» очередная крымскотатарская семья, тут же вызвали выше-

стоящее начальство. Прибывший полковник милиции Кузьмук потребовал, чтобы в течение суток семья Юнусовых добровольно покинула пределы Крыма, иначе...

Гульзаде и её муж Джелял долго уговаривали полковника не трогать их семьёю.

— Мы не преступники, мы вернулись на Родину, мы всю жизнь трудимся, мы найдём работу и будем вместе со всеми поднимать наш Крым....

Но Кузьмук, привыкший всегда исполнять приказы, был заранее проинструктирован насчёт крымских татар и твёрдо стоял на своём:

— Во-первых, Крым не ваш. Во-вторых, мы прекрасно без вас обойдёмся. Никто вас здесь не пропишет, так и знайте! Сказано — уезжайте, у меня и без вас дел по горло. Надоели вы все уже — им говорят нельзя сюда, а они всё равно лезут и лезут. Только на прошлой неделе целый «десант» свалился на мою голову — пять таких же семей выдворил. И вот на тебе — ещё одни явились, не запылились...

Юнусовы не собирались уезжать оттуда, куда с детства мечтали вернуться и куда так долго добирались. Но силы, увы, были не равными. Подъехавший ночью дополнительный отряд милиции, по уже не раз отработанному сценарию, выдворил молодую семью из Крыма. Именно тогда несколько правоохранителей жестоко избили дубинками её мужа, чтобы на всю жизнь забыл дорогу в Крым. Именно после этого Джелял стал часто жаловаться на головные боли. Но никакие лекарства ему не помогали. Как-то в Херсоне, куда они перебрались, чтобы быть поближе к Крыму, врач посоветовал ему съездить полечиться в Крым, в Ялту.

— Спасибо, доктор, — ответил Джелял, — я бы с радостью, но пока мне нельзя туда...

Врач Анатолий Борисович любил людей, никогда не делил своих пациентов по национальности. Но он жил в стране, которую тоже любил и подчинялся ее законам. А у той были свои и чужие, угодные и не угодные народы. Для власти того времени крымские татары считались людьми «второго сорта», надоедавшими своими постоянными требо-

ваниями вернуть им Родину. Ведь эта власть привыкла сама решать, у кого где Родина...

Давно уж нет в живых мужа Джеляла. Давно уже дети и внуки бабушки Гульзаде разъехались кто куда, и теперь она самостоятельно добралась туда, откуда никто и никогда её не прогонит.

Бабушка Гульзаде дошла до конца улицы. Прямо перед ней стоял её дом. Он почти не изменился с тех пор. Такие же стены, правда, полопавшиеся во многих местах, те же окна, та же крыша из старой черепицы... И все же дом показался ей каким-то маленьким — в детстве он был больше. Да и колодца во дворе почему-то не было. А во всём дворе ничего не росло, кроме травы. Только громадная орешница одиноко стояла на прежнем месте в самом конце двора. А когда-то её отец развел в этом месте цветущий сад, где она малышкой любила играть. Давно ушло детство. Нет сада. Зато стоит отцовский дом, растёт по-прежнему орешница, посаженная его руками. И главное — сильна память.

Бабушка Гульзаде остановилась напротив родного дома. Она долго смотрела на него и о чём-то думала. Выражение её лица периодически менялось, то застывая в мучительном напряжении, то оживляясь от приятных воспоминаний. Она всматривалась в каждую деталь дома, двора, словно надеялась там увидеть кого-то. Но в доме, видимо, давно уже никто не жил. Каким-то пустым и одиноким он выглядел.

Долго стояла она у покосившейся калитки, не решаясь зайти внутрь двора. И вот, собравшись с духом, сделав шаг в сторону родного дома, бабушка Гульзаде вдруг почувствовала резкую боль в сердце. Охнув, с трудом села она на старенькую скамейку возле калитки. А взгляд не отрывался от отчего порога...

И вдруг двор, еще минуту назад бывший одиноким и пустынным, наполнился голосами, звонкими звуками топора. Это отец и брат кололи дрова и о чём-то серьезно раз-

говаривали. А чуть поодаль от них сидела Хатидже и гладила соседскую кошку, уговаривая ее больше не убегать. Еще какая-то маленькая девочка подбирала с земли орехи, нападавшие с высокого дерева. Кого-то она очень сильно напоминала. Кто это? Бабушка Гульзаде напряглась, собираясь с мыслями... Да ведь это она сама и есть! Только такой девчушкой она была шестьдесят лет назад! Неужели это возможно? Значит, можно вернуть время назад, возвратиться в детство?!

Увы... Как внезапно возникший мираж, картина из прошлого так же внезапно исчезла. Но в тот же миг откуда-то издалека послышалась красивая старинная мелодия. Бабушка Гульзаде ее сразу узнала. Именно эту песню часто в минуты грусти напевала ее мама. А сейчас этот напев стал настоящим утешением для бабушки Гульзаде, показался таким сладким, как конфета, которой изредка баловали ее в детстве. Песня звучала по крещендо, превращаясь для старушки в молитву.

— Я дошла до нашего дома, мама, слышишь? Я тут, я вернулась! Как же долго я ждала этого дня — почти всю свою жизнь! Какой длинной была эта моя дорога домой! Но Всевышний услышал меня, он дал мне силы добраться до родного очага...

Вечером того же дня жители села обнаружили на скамейке около давно пустующего домика бездыханное тело незнакомой пожилой женщины. Никто так и не узнал, откуда она приехала. Зачем какая-то невидимая сила привела её к этому дому? О чём она думала в последние минуты своей жизни?

Всё кончено, всё успокоилось и затихло... Отныне её душа была там, где уже давно были души всех тех, кого она знала со своего рождения, дарованного Богом.

Владимир Корнилов**Малая проза**

Владимир Корнилов (г. Братск, Иркутская область, Россия) — третье место в конкурсе подписчиков журнала «Доля» в номинации «Малая проза» по решению профессионального жюри.

Семечки

*Посвящаю самобытному
русскому писателю
Виктору Ивановичу Лихоносову*

Виктор Иванович, дожидаясь дачного автобуса, сидел на скамейке и, чтобы как-то скоротать время, прислушивался к шумному разговору молодых людей. Те, перекидываясь солеными шутками и острыми словечками, не переставая при этом лущить семечки и запивать их пивом, громко смеялись и своим поведением как бы нарочно старались обратить на себя внимание окружающих... Из отдельных, долетавших до него фраз, Виктор Иванович понял, что они студенты какого-то престижного ВУЗа и только вернулись с учебной практики из областного центра, где, по их понятиям, «хип-пово» провели время... Это услышанное, часто употребляемое современной молодежью не русское словцо, неприятно резануло слух пожилого мужчины. При виде их беззаботных, сияющих смехом глаз ему невольно подумалось: «Всё бы ничего. И мы были молодыми, веселыми. И нам в ту пору не претили залихватские, с терпким привкусом, словечки. Но употребляли мы их с оглядкой на старших, стеснялись произносить в общественных местах... Да и словечки те были словно вынуты из дремучей души русского народа, выстраданные, может быть, не одним поколением горемычных людей, судьбы которых были повенчаны нерасторжимыми узами с «каторжной» неволей, с нелегкой долей на земле российского труженика». Невесело стало на душе от этих мыслей Виктору Ивановичу.

А ребята, остановив вскоре приближающееся к ним такси, умчались в потоке машин к своим пристаням, оставив после себя

на остановке пустые бутылки, смятые упаковки из-под сигарет и плотный слой семечковой шелухи.

Взглянув на мусор, Виктор Иванович с грустной ironией вспомнил из своего далекого послевоенного детства один курьезный эпизод, происшедший с ним из-за этих — будь они неладными, — проклятых семечек!.. Учился он тогда в 5-ом классе вместе со своим закадычным дружком Володькой Летягиным. Время было голодное, опаленное грозами Великой Отечественной войны. Большинство семей впроголодь перебивались с хлеба на воду. И подсолнечный жмых, привозимый иногда весной на ферму ослабевшему за зиму скоту, — казался деревенской ребятне слаще заморских пряников и даже халвы, о которых они слышали лишь из рассказов старших родственников... А тут в сентябре Витя с Володькой прознали от своих товарищей, что на колхозных полях за соседней с их селом Знаменкой созрел подсолнечник, и многие уже успели впрок заготовить это деревенское лакомство.

Не стали мешкать и закадычные друзья. Целый день чинили они свои старенькие, с половиной выпавших спиц, велосипеды, клели камеры, накачивали колеса. Не забыли снять ребята с велосипедов и дребезжащие, с охрипшими голосами, звонки, чтобы те не выдали их, когда они будут возвращаться обратно, отягченные полными котомками семечек.

На следующий день после занятий в школе Витя с Володькой, перекусив на скорую руку дома, окольными путями отправились

в заповедную Знаменку. День был солнечный и теплый. Стайки ласточек с шумом носились в воздухе. Ничто не предвещало ребятам какой-либо опасности. Их детские сердца, освещённые мальчишеской дружбой, ликовали от счастья и сознания, что в этот прекрасный день и земля, давшая всему жизнь, и ласковое голубое небо, наполненное щебетанием птиц, и весь мир вокруг принадлежит только им — Витьке с Володькой. Встречный ветерок приятно освежал разрумянившиеся от быстрой езды лица, вдувал на спинах вылинявшие за лето их ситцевые рубашонки. Со стороны могло показаться, что это две яхточки мчатся на всех парусах по проселочной пыльной дороге к своей намеченной цели...

Неожиданно открывшееся во всю линию горизонта подсолнечное поле притягивало взоры ребят, волновало их своей спелой истомой. Издали оно напоминало огромный цветущий луг, сплошь усеянный желтыми астрами.

Оглядевшись вокруг и не заметив ничего опасного для себя, Витька с Володькой стремглав нырнули вместе с велосипедами в густые высокие заросли подсолнечника. Переведя дыхание и успокоившись от окружающей их осенней тишины, ребята быстро приступили к делу. Их руки дотягивались до огромных, с полными черных зёрен, плоских голов подсолнухов и, ловко орудуя пальцами, моментально опустошали их.

Вскоре котомки были доверху наполнены запретными, аппетитно дразнящими своей сладостью семечками. Витя с Володькой, завязав котомки и укрепив их на багажниках, стали осторожно пробираться сквозь заросли к дороге. И тут, уже у самого края подсолнечника, случилось для них непоправимое. Витькина поклажа съехала наполовину с багажника и, свисая углом, вклинилась намертво в спицы заднего колеса...

А в это время с противоположного конца поля показалась бригада знаменских женщин во главе с бригадиром, который торопливо погоняя запряженную лошадь, изредка осчастливливал ее своим хлестким кнутом. Стоя во весь рост на телеге и быстро приближаясь к ребятам, он вдруг заметил их согнувшись позы, отчаянно мечущиеся возле велосипедов...

Налетев огромным коршуном и с яростью оттрепав Витьку с Володькой за уши, бригадир нагнал на них страху, пригрозил доложить об этом ЧП в районную милицию и директору школы.

Свежо было еще в памяти мальчишек время, когда за несколько украдкой принесенных с поля пшеничных колосков или картошин людей судили и отправляли в тюрьму... Оскорбленные и перепуганные — без велосипедов и злополучных семечек — возвращались они домой.

Если бы не Витькин дед — известный на всю округу печник и столяр, сумевший всё уладить, — то трудно было бы себе предложить, чем окончилась для них с другом та «романтическая» поездка...

Вспомнив об этом сейчас при виде подсолнечной шелухи, Виктор Иванович досадливо поморщился, словно недавно произошел с ним и с Володькой тот каверзный случай, за который их чуть не исключили из пионеров... Равнодушно и даже с каким-то внутренним отвращением проходит он теперь на рынке мимо торговых рядов, издалека зазывающих покупателей своим искушительным запахом жаренных семечек. Перегорело в нем навсегда с тех пор это услаждающее с детства душу лакомство.

Ксана Етон**Малая проза**

Ксана Етон (г. Макеевка, Донецкая область, Украина) — третье место в первом конкурсе подписчиков журнала «Доля» в номинации «Малая проза» по голосам читателей.

Тряпка

Так случилось, что в детстве мне пришлось сменить несколько школ. В восьмом классе родители выдернули меня из очередного насиженного места и перевели обратно в школу, в которой мне уже довелось учиться прежде. Новая старая школа встретила меня довольно неприязненно. Не то чтобы ко мне кто-то подошел и напрямую сказал: «Ну и какого фига тебе здесь надо? Зачем вернулась-то?» Нет, просто по лицам своих вновь приобретенных одноклассников я быстро сообразила, что не ждали, забыли, и вообще всем было ровным счетом на меня плевать. А прошло, между прочим, всего-то два с небольшим года. Хотя, если посмотреть с другой стороны, два года из четырнадцати прожитых — целая вечность.

Хочу рассказать вам об одном страшном случае, произошедшем в нашей школе, и даже в нашем классе*. Случившееся было настолько вопиющим и резонансным, и настолько врезалось в мою память на всю оставшуюся жизнь, что я просто не могу не рассказать об этом.

Как раз во время моего возвращения в наш класс пришел новенький — мальчик по имени Леша Тропинин. Внешность имел практически ангельскую, очень миловидную, почти девчоночью — белокурые волосы, голубые глаза, тщедушная инфантальная фигурка, которая никак не хотела приобретать формы, хоть мало-мальски походящие на мужские. Ни силой, ни здоровьем Леша тоже не вышел, да ко всему имел еще мягкий, податливый характер, бесконфликтный, всем потакающий, тихий и застенчивый. Таких обычно не любят. Нашего паренька тоже невзлюбили, причем невзлюбили люто. Его прозвали Тряпкой, вся-

чески измывались над ним — больше, конечно же, мальчишки, но и девочки частенько подключались к всеобщему «веселью». Я, как настоящий изгой, никогда в подобные игрища не вмешивалась, только наблюдала издали. В такие минуты мне было отчаянно жаль несчастного Тропинина, но я, словно замотавшись в кокон и отстранившись от всех, не встречала. До сих пор сожалею и испытываю чувство жгучего стыда при воспоминании об этом.

Особенно сильно доставал Лешу наш штатный герой-любовник Юрка Марголин, по прозвищу Марго. Это был шкафообразный и тупорылоликий тип, который по каким-то непостижимым для меня причинам нравился практически всей женской половине нашего класса. Его изощренные издевательства над Тропининым доводили меня до тихого, с трудом подавляемого, бешенства, и я никак не могла понять, почему же Тропинин все это терпит. Такая амебообразная его позиция меня страшно раздражала, но, зная я заранее, чем все это кончится, возможно, не была бы столь разборчивой в своем отношении к происходящему и вступилась бы, нарушив данный самой себе обет невмешательства во все, что происходило в этом убогом коллективе...

— Слыши, Тропинкин, дай алгебру списать, а? — Марголин вальяжно раскинулся за партой и зло буравил взглядом опущенную голову несчастного мальчишки.

Тропинин, предчувствуя недобро, покорно достал из кожаного желтого портфеля тонкую синюю тетрадку и протянул ее через парту своему мучителю. Тот грубо вырвал тетрадку из его руки, и она сильно надорвала поперек. Марго заржал. А потом с еще большей злостью процедил:

*все имена и события вымыщены, совпадения случайны

— Ты че даешь мне, ты, урод? Ты че подсовываешь мне какую-то рвань?!

Леша побледнел, казалось, что он вот-вот заплачет. Он подошел к Юрке и стоял перед ним навытяжку, мучительно соображая, как поступить — любое его действие все равно неминуемо вызвало бы очередную вспышку гнева и издевательств, поэтому Тропинин лихорадочно соображал, какое из них будет предположительно менее разрушительным по последствиям. Однако, оказалось, что затянувшееся молчание тоже было ошибкой.

— Молчишь? Игнорируешь, значит? Ах ты, сука!.. — Марго вскочил из-за парты, схватил скрючившегося от ужаса Тряпку за шиворот и поволок его к выходу из кабинета, попутно призывая своих ближайших подельников:

— Копейка, Плюх, за мной!

Те подобострастно и с плохо скрываемым садистским удовольствием устремились за вожаком. Полкласса побежало вслед за ними, все как один в стремлении хорошенько поразвлечься. Я осталась сидеть на месте, мучительно соображая, бежать за кем-нибудь из учителей, или обойдется. Из коридора доносилось:

— Как ты достал меня, Тряпка! Мутант беспозвоночный! Из Чернобыля ты, можь, приехал, а? — И раскатистое самодовольное ржание, подхваченное десятком других голосов и многократно усиленное отражением от пустых стен.

Что было дальше, могу пересказать только со слов одноклассников. Марголин потащил слабо сопротивляющегося Тропинина в туалет, Плюх с Копейкой — за ними, они закрыли за собой туалетную дверь на замок. В течение нескольких минут оттуда попеременно доносились звуки глухих ударов, всхлипывания, вскоре сменившиеся стонами и мычанием, и садистское короткое похохатывание, с причмокиванием даже, омерзительное и страшное. А потом дверь распахнулась, из нее вывалились двое заметно сущедших с лица пацанов, за ними — третий, герой, раскрасневшийся и наигранно бравирующий содеянным, но тоже странно притихший и трусоватый. Тропинин за ними не вышел. И больше никогда мы не видели его живым.

Когда прозвенел звонок, в класс вошла худая и долговязая учительница русского языка и литературы Ольга Степановна, по прозвищу Селедка, и начала свой урок, как водится, с переклички. Не услышав обычного, едва слышного «тут» в ответ на «Тропинин», чья фамилия значилась в классных журналах последней, она, приподняв очки на лоб и окидывая кабинет взглядом, еще раз возвала:

— Тропинин Алексей!

В ответ — тишина. Занятия Тропинин пропускал редко, почти никогда, поэтому Селедка удивленно констатировала, сама для себя:

— Нет Тропинина Алексея... болен? Кто знает?

В классе стояла гробовая тишина, и эта тишина учительницу слегка насторожила:

— Почему все молчат, как в рот воды набрали? Не знаете — так и скажите, не знаем, мол, Ольга Степановна... а то молчат они...

Ольга Степановна очень любила поговорить сама с собой. Она бы, наверняка, переключилась на проверку домашних заданий, неизменно следовавшую за перекличкой, но тут мои нервы не выдержали, и я негромко сказала:

— Леша Тропинин был с утра и даже на предыдущем уроке еще был.

Марго зыркнул на меня уничтожающе и с угрозой, чтобы я заткнулась. А Селедку мое заявление привело в замешательство:

— Был? А где же он сейчас?

— Советую поискать в мужском туалете, — немного помедлив, все же выпалила я.

Казалось, она моментально оценила ситуацию, зная о нездоровом отношении сидящего перед ней нехорошо притихшего коллектива к вышеозначенному Тропинину, так как без лишних расспросов кинулась вон из классной комнаты. А дальше в школе начался настоящий ад.

Все это время бедный ребенок пролежал в грязной школьной уборной, мучаясь от невыносимой боли и истекая кровью. Приехала скорая, за ней милиция. Нас допрашивали, то по одному, то группами, но что конкретно сделали эти изверги с Лешкой

Тропининым, нам никто никогда так и не сказал. Все обрастило слухами и домыслами, которые возобновились с новой силой при известии о том, что вышедший спустя месяц из больницы паренек попытался наложить на себя руки, перерезав вены. Но его спасли, определили на «дурку», куда немногочисленные одноклассники, пожелавшие его навестить, уже не имели доступа. Впрочем, еще будучи в больнице, он ни разу не пожелал нас видеть, и мы лишь оставляли ему немногого гостинцев, возвращаясь домой ни с чем, мучаясь от чувства вины и жалости. Выйдя из сумасшедшего дома, Леша повторил попытку, на этот раз удачно.

Марголин и иже с ним остались безнаказанными, первый — потому, что происходил из семейки сильных мира сего (не хочу вдаваться в подробности, пусть каждый сам домыслит очевидное), остальные двое хором и очень складно свалили всю вину на главаря. Их всего лишь поставили на учет в детской комнате милиции. Классному руководителю сделали выговор, школе зарубили какую-то очередную бюджетную подачку, и на

этом все. Так смерть подростка оказалась абсолютно безнаказанной. А впрочем, справедливость в какой-то мере, пусть и запоздало, все-таки восторжествовала — уже будучи депутатом городского совета, Юрий Марголин стал одним из немногих, кого настигла рука правосудия при начавшейся в Украине борьбе с коррупцией. Закрутилось все с малого, с какой-то взятки, а когда копнули немного глубже, обнаружились омерзительнейшие и притом многочисленные факты его изощренной педофилии. Депутатская неприкословенность была показательно снята и громко разафиширована, для пущего доказательства бурной деятельности новой власти, и без пяти минут мэра посадили за растление несовершеннолетних. Когда все это всплыло, я вспомнила тот многолетней давности случай в нашей школе, представила себе, какой ужас, вероятнее всего, пришлось пережить тогда его первой, уже забытой и затерянной во времени, жертве, и содрогнулась...

2011

Ольга Прилукская**Публицистика**

Для детей писать плохо — грешно

своих авторов, то пусть бы знатоки языка переводили интересные детские книги иноязычных писателей и поэтов. Как раз в это время я читала детскую повесть-сказку Тамары Гордиенко «Тайна фиолентовского грота». Ее героями были семилетние мальчик с девочкой. Я, и в детстве-то любившая «взрослые» книги, читая Гордиенко, с удовольствием следила за приключениями ребятишек. Потому что написано интересно, без этакого снисходительного высокомерия к маленькому читателю. Дети мгновенно улавливают малейшую фальшь. Мое читательское чутье, у которого огромный стаж, не подвело меня. Эта книга уже много лет входит в пятерку самых востребованных детских книг в городе Севастополе, где живет и работает автор.

Не так давно я стала невольной свидетельницей разговора академиков Крымской литературной академии о детской татарской книге. Ее старейшина Нусет Абibuлаевич Умеров, считающий своим первым учителем и наставником в большой литературе Самуила Яковлевича Маршака, сетовал на то, что нет достойных современных произведений для детей, способных помочь им выучить крымскотатарский язык. Слишком уж невысокий уровень у них, практически не отличающийся от уровня того, что предлагалось детям в 1913 году, с которым мы привыкли сравнивать все наши достижения: словарный запас небогат, основные герои — кошки и мышки. Одним словом, все также пресловутая «мама мыла раму»... И вспомнились мне однажды прочитанные в начале нынешнего века слова российского писателя Александра Торопцева: «Для детей и о детях писать хорошо гораздо сложнее, а писать плохо грешно». Я внесла скромное предложение: коль нет

Совсем недавно я вновь вспомнила академика Умерова, который в том же разговоре восхищался пятилетним внуком одного из своих коллег — мол, малыш у него на глазах набирал на компьютере текст одной татарской книги. Как ни странно, вспомнила об этом снова в связи с Тамарой Гордиенко. Я держала в руках ее новую книгу «Побег из империи Питона». Потому что героями этой повести-сказки были современные ребятишки, как все нынче, донельзя компьютеризированные. Но у них — умные мамы и папы, из тех, кто с детства обожал книгу, читал, держа ее на коленях под крышкой парты во время скучных уроков, подсвечивал фонариком под одеялом, когда родители давали «отбой», выключая свет в детской. У одиннадцатилетних героев Тамары Гордиенко оказались замечательные старшие друзья — библиотекари, забывшие тревогу, оттого что дети стали терять интерес к книге, которая призвана развивать в человеке способность понимать, любить, сопереживать, искать пути к познанию, думать, фантазировать и изобретать. Взрослые люди отнюдь не против компьютеров. Их просто волнует не-

правильное использование этого современного чуда в качестве игрушки.

Добротная, красивая книга в 188 страниц Севастопольского издательства «Рибэст» с замечательными рисованными иллюстрациями художника Марины Богач напомнила мне мои любимые книги детства Сергея Михалкова, Николая Носова, Виктора Драгунского, Валентины Осеевой.

И подумала я о тех, кто ворчит, обвиняя нынешнее молодое читательское поколение в их приверженности к литературе с большим количеством картинок, несущих информацию, легкую для восприятия, которая развлекает, а не учит. Ведь и мы любили книги с яркими картинками. Кто же мешает нам преподносить детям картинки с умным, грамотным повествовательным содержанием? Как сделали это создатели «Побега из империи Питона». Да, это сказка. Как ей и полагается, развитие сюжета в ней начинается с того, что герои теряют...

Шесть ребятишек — без пяти минут пятиклассники Илона, Вовка, Стасик, Митя, староста их класса Лена и первоклашка Павлик — принимают участие в городском литературном конкурсе. Заведующая библиотекой, в которую записаны школьники, решив помочь им выбрать темы творческой работы, дарит шкатулку с секретом. Шкатулку не смогут открыть ленивые, трусишки и лгунишки. И вот тут, как и велят законы жанра, вмешиваются злые силы в образах Великого Властелина Компьютерной Империи Питона Первого и его свиты из вирусов, вирусят и червей. Объявленна операция «Троянский Конь». Безбашенный Смерч вырывается из рук героев книги шкатулку, унеся ее далеко-далеко... А мальчишки и девчонки, разбитые на пары, оказываются в разных странах и веках... Каждому из них приходится пережить немало приключений, проявить невероятную смекалку, знания, чувство товарищеского локтя, чтобы победить добром зло. И читатель побывает с героями книги в сказочном Королевстве Замухрышии. Узнает, как Замухрышам удалось однажды обвести вокруг пальца доверчивых Мудреев, побывает вместе с Илоной и Павликом в темнице, освободив ее

узников. Выпутаться из сложной ситуации поможет сообразительность и знание загадок Илоны, участницы школьных КВНов.

Вместе с близнецами Митея и Стасиком, оказавшись в 1681 году на необитаемом острове, на котором из людей был лишь негодяй-пират Хуан, читатель будет спасать от него новорожденных детенышей морской черепахи Гримеллы. Вот где пригодятся знания, почерпнутые из книг!

С Вовкой и Леной смерчем занесет читателя в Америку 1846 года на реку Миссисипи в город Сант-Питсбург, где они подружатся со своим ровесником Джоном Смиттом. Там им удастся найти заветную шкатулку... Но пережить придется столько приключений, что я вдруг поймаю себя на одном поступке, который, кажется, не совершила целую вечность — в самый разгар событий быстренько сбегала на кухню, налила большую чашку чая и нервно, не замечая ничего, выпила его, дочитывая «Побег из империи Питона» Тамары Гордиенко. Так я любила делать много лет назад, когда девчонкой зачитывалась любимыми книгами.

Всего три часа отсутствовали в своем родном городе дети. Но за это время они «ночевали в хижине с пиратом Хуаном, двое суток блуждали в темной холодной пещере, провели ночь в темнице, целый день искали ключевой вопрос, чтобы вырваться из Города Врунов...» Но главное, они поняли, что делает дружба — дружба людей между собой, дружба с книгой. Они по-новому увидели старосту своего класса Лену Смирнову, которую считали «правильной» занудой. Потому что повзрослели за эти три часа на многие годы вперед. Именно этим отличается читающий человек от своих ленивых на чтение ровесников. Потому что тот, кто дружит с книгой, проживает гораздо больше жизней, чем ему определено собственной судьбой. Он становится эмоционально богаче, интеллектуальнее, добнее, терпимее к окружающим, мудрее. Книга позволяет ребенку научиться принимать взвешенные, правильные решения в различных ситуациях, готовит его к взрослой жизни.

Читатель «Побега из империи Питона» верит в то, что эта сказка — повесть. Пото-

му что очень уж правдиво в ней все. Мы любимся замечательным городом Севастополем, в котором живут герои книги, не однажды воспетым автором в своих стихах. Понимаем и разделяем озабоченность взрослых о тех, для кого компьютер — лишь возможность поиграть в «стрелялки, доднялки, убивалки», в игры, с неимоверной быстротой разрушающие психику ребенка, отрицательно сказывающиеся на становлении его личности. Думаю, даже детям это станет ясно, как стало понятно юным героям «Побега из империи Питона». Потому что написана книга человеком, обладающим огромным культурным запасом и крупным масштабом личности, Тамарой Мирофоновой Гордиенко — писателем, переводчиком, поэтом, членом Национального союза писателей Украины, национального Союза журналистов Украины, членом Международно-

го Сообщества писательских Союзов, членом Международной Ассоциации писателей-баталистов, маринистов, Заслуженным журналистом Украины, лауреатом множества литературных премий, в том числе и международных, верным другом детворы.

Книга написана прекрасным современным русским языком с использованием компьютерной терминологии. В то же время писатель ни разу не сбилась на подростковый слэнг. Думаю, прочтя повесть-сказку Тамары Гордиенко «Побег из империи Питона», вряд ли кто-то из юных читателей произнесет: «Жесть!» Потому что в их голове долго будет звучать красивая речь автора и его героев. Это великолепное издание станет их любимой книгой, и будут они вспоминать ее, дожив до преклонного возраста, как мы книги своего детства.

Наталья Лаврецова

По Пушкинским местам

Наталья Лаврецова — член Союза Писателей России, писатель, поэт, автор ряда книг о Пушкине, для детей и юношества. В прошлом работала в Пушкинском Государственном заповеднике (Михайловское), завлитом в Карельском Государственном театре (Г.Петрозаводск).

В марте 2012 года исполнилось девяносто лет со дня основания Государственного мемориального музея-заповедника А.С.Пушкина в родовом имении Ганнибалов-Пушкиных (с.Михайловское, Псковская область). У наших читателей есть возможность пройтись по Пушкинским местам в Михайловском с писателем Натальей Лаврецовой и экскурсоводом Александром Буковским.

На экскурсию с Буковским

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Вас заинтересовала фамилия, но вы еще не поняли, о каком Буковском пойдет речь? Нет, не о Чарльзе Буковском (Буковски), известном американском писателе немецкого происхождения, и не о советском диссиденте Владимире Буковском. Это наш, русский, российский Буковский, разделивший все тяготы времени своей страны. Экскурсовод с немереным стажем, старший научный сотрудник Пушкинского Государственного заповедника «Михайловское», человек в очках, с характерной черточкой русского интеллигента, чей смех заразителен, а слово весомо... Одним словом, пушкинист-фанатик, посвятивший свою жизнь Пушкину как знаковой величине российского менталитета. С умением говорить о нем так, что скималось, сплющивалось время, и сам он, неслышный и невидимый, пристраивался сзади, заглядывал через плечо, словно горя желанием узнать: «и что это вы тут про меня рассказываете»?

Вы тоже хотите попасть к нему на экскурсию? Тогда быстрей, не отставайте, у Александра Буковского шаг скорый, отстанете — пропустите что-нибудь интересное. Сегодня он предлагает пройти вместе по заповедным тропам Михайловского, заглянуть на чашку чая в Тригорское, «принять на душу» вместе со старым Ганнибалом в Петровском, и...

И постоять, склонив головы, у могилы Поэта. Помолчать минуту, как полагается по русскому обычаю, и, взгрустнув, улыбнуться. Тому свету, который оставил он после себя.

ОТ ДЕРЕВНИ БУГРОВО

Пушкин писал: «Не любить деревни простиительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да 18-летнему камер-юнкеру. Петербург — прихожая, Москва — девичья, деревня — наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через прихожую и редко заглядывает в девичью, а все время проводит у себя в кабинете».

Таким «кабинетом» для поэта и явилось маленько сельцо Михайловское.

Но, прежде чем мы туда отправимся, — небольшой экскурс в историю.

22 марта 1922 года. Декрет Совета народных Комисаров о создании заповедника, который сейчас носит довольно длинное название: «Государственный мемориальный историко-литературный, природно-ландшафтный музей-заповедник Александра Сергеевича Пушкина». В настоящее время это самый большой литературный заповедник в мире, площадью около 40 тысяч гектар. Включает в себя несколько музеев, выставочных залов, мемориальный комплекс Святогорского монастыря. Здесь постоянно проводятся конференции, симпозиумы, события самого разного масштаба.

Всем этим, конечно, мы обязаны Александру Сергеевичу, его пребыванию здесь, его гению. Благодаря ему, маленький поселок Пушкинские (Святые) Горы с населением около 7 тысяч человек сейчас превратился в настоящую литературную Мекку России.

Первые упоминания о землях «Михайловской губы» датируются началом XVIII века.

В 1742 году Елизавета Петровна, дочь Петра I, «вошед на престол» вспоминает о соратниках отца и жалует Абраму Петровичу Ганнибалу, арапу Петра Великого, эти земли в вечное владение. В память о его былых заслугах перед Отечеством

После смерти Абрама Петровича по раздельному акту 1781 года вотчина делится между его сыновьями. Они получают: Осип Абрамович (дед Пушкина) «В Псковском наместничестве в Опочецком уезде в Михайловской губе деревни: Устье, что ныне называется сельцо Михайловское». Петр —

деревню Кучане, что ныне сельцо Петровское, Исаак — деревню Оклад, что ныне сельцо Воскресенское. Кроме этих владений, в акте перечисляется большое количество сел и деревень, полученных наследниками с «мужска и женска пола душами (...), с лесы и сенными покосы, с рыбными ловли и со всеми угодьи...»

Ганнибалы прочно обосновываются на Псковской земле.

Сейчас мы с вами направляемся в родовое имение Ганнибалов-Пушкиных, где юный поэт бывал несколько раз и куда впоследствии оказался сослан, попав из южной ссылки сразу в северную. Он прибыл в Михайловское в августе 1824.

Подробнее мы поговорим об этом позже, пока лишь сделаем небольшое отступление, чуть затронув тему «дороги Пушкинской поры». Чтобы могли нагляднее представить

Наталья Лаврецова, Арина Буковская, Александр Буковский

путешествие поэта из северной столицы в Михайловскую глушь.

Итак, Пушкин выезжает из Петербурга. Ему выдают прогонные деньги из расчета 8 копеек верста-лошадь. Это — если за казенный счет путешествуешь, а если по личным надобностям, то 10 копеек верста-лошадь по основным трактам Российской империи. Если еще приплюсовывать 2 положенных копеечки до ближайшей станции, то, с помощью нехитрой арифметики, можно подсчитать всю сумму (прибавив еще расходы и за тройку лошадей).

Пушкин расписывается в полученной сумме: 389 рублей 4 копейки.

Девять дней пути... Он не торопится — было бы неестественно торопиться в ссылку. 9 августа он здесь. Начинается знаменитое Михайловское сиденье.

В Михайловское мы пойдем пешеходной тропой от деревни Бугрово. Деревня существует с начала XVIII века, хотя понятие «Бугровская пустошь» встречается еще в писцовых книгах XVI века. В Пушкинское время деревенька совсем небольшая — три или четыре двора. Со стороны Святых (Пушкинских) Гор это была ближайшая деревня к Михайловскому.

Сразу за деревней — музейный мельничий комплекс: живописная водяная мельница, дом мельника, амбары, хозяйственные постройки. В настящее время здесь восстановлена русская деревня в миниатюре.

Справа от дороги — мельничий пруд. Вода этого пруда и крутит мельничное колесо. В самой мельнице вам могут намолоть муки, какой хотите: ржаной, пшеничной и даже с отрубями.

Многие связывают сюжет Пушкинской «Русалки» с событиями, которые могли случиться именно здесь. Вполне возможно, история типична. Немного воображения — и можно дорисовать картину, включив в нее и старого мельника, и его дочь, и маленькую русалочку.

МИХАЙЛОВСКИМИ РОЩАМИ

При входе в Михайловские рощи — братская могила воинов, погибших здесь во время освобождения Михайловского в июле

1944 года. Автор строк на могильной плите — поэт Михаил Дудин:

Здесь похоронен воин неизвестный,
Освободивший Родины святыню.
Бессмертной славы мужество достойно —
Идущий мимо, голову склони!

И мы почтим минутой молчания память воинов, погибших при освобождении этих святых мест.

Продолжая путь к Пушкинской усадьбе, видим, не доходя до нее трехсот метров, Михайловскую часовню. Она уютно расположилась среди леса на небольшом подъёме, Поклонной горке. Известно, что уже после смерти Пушкина в 1841 году сюда приезжала его вдова Наталья Николаевна. Вместе с доктором в этой часовне она принимала местных крестьян.

Рядом с часовней — псковский поклонный каменный крест. Говоря по правде, креста этого здесь раньше не было. Он перенесен от деревни Гораи, где стоял на большой дороге. Крест древний, с 1504 года. Надпись обычная, типичная: «Царь Славы Иисус Христос». Внизу — греческое слово «Ника». На ложе креста можно прочитать надпись, сделанную на славянском языке: «Сей крест поставил Филипп Крюков роду своему на поклонение и себе на память».

Дальше в сторону усадьбы наш путь проходит по еловой аллее. Так традиционно оформлялись в средней полосе центральные въезды в усадьбы. Здесь всегда немного сумрачно и таинственно.

Южная часть аллеи относительно молода, елки посажены уже после войны. Старая часть аллеи была утрачена еще в конце XIX века. Особый урон заповеднику, как уже говорилось, нанесла война. Но и в этой части аллеи растет старая ганнибаловская ель, хоть большая часть деревьев-старожилов — в северной ее части.

Михайловский парк был заложен дедом поэта, Осипом Абрамовичем Ганнибалом, в 80-х годах XVIII века. Надо сказать, что парк крайне эклектичен. В нем присутствуют элементы французского регулярного парка, элементы английского ландшафтного парка, элементы довольно редкого в наших широ-

такх итальянского террасного парка. Все вместе это называется... Русский парк! И в этом его еще большая прелесть и привлекательность.

Соответственно, присутствуют здесь и разные парковые затеи: беседки, гроты, дерновые диваны — как и положено в парках конца XVIII — начала XIX веков. Обязательная принадлежность парков — пруды. Не исключение и Михайловский парк — здесь целых шесть прудов. Для сравнения: в Тригорском — 4 пруда, в Петровском — 3. Когда побываем в этих парках, увидим разницу: Петровский парк — строгого французского регулярного стиля, Тригорский, наоборот, — английский ландшафтный парк, и только в Михайловском можем полюбоваться разнообразием всех стилей и элементов.

Слева от еловой аллеи за деревьями просматривается земляной грот. Возможно, именно там Арина Родионовна и хранила свои наливочки да настоечки. Так и вспоминается Пушкинское:

Погреб мой гостеприимный
Рад мадере золотой,
И под пробкой смоляной
Сан-пере в бутылке длинной...

Напротив грота — роскошный дерновый диван, так и манит расположиться. Возможно, его соседство рядом с гротом вполне обусловлено. Но мы пока воздержимся, не будем примерять на себя ни то, ни другое.

К сожалению, не все аллеи в Михайловском парке сохранились и четко прослеживаются. Но вот одна из них — уникальная липовая аллея. Уникальная, прежде всего, по силе своего лирического звучания. Вряд ли в мировой усадебной, парковой архитектуре отыщется что-нибудь подобное.

Эта старинная липовая аллея названа в честь женщины, которой мы обязаны возникновением такого шедевра лирики, как стихотворение: «Я помню чудное мгновенье». Аллея Анны Керн.

С Анной Петровной Керн (урожденной Полтарацкой) Пушкин познакомился еще в 1819 году в Петербурге на Фонтанке в доме у Олениных. И надо ж тому случиться, что она оказалась племянницей хозяйки Тригорского. Приезжала в Тригорское дважды в

1825 году. Разумеется, бывала и в Михайловском. Вот как она сама вспоминает об этом: «Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый запущенный сад, «Приют задумчивых дриад», с длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетаясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника — вздрогивать».

На другой день Пушкин приходит утром в Тригорское и в память об этой встрече преподносит Анне Петровне экземпляр второй главы «Евгения Онегина», в неразрезанных листах которого она и находит это стихотворение:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глухи, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Собственные воспоминания Анны Петровны передают трепет этих встреч, волнение поэта, которое, в конечном итоге, и воплотилось в эти чарующие строчки.

Когда Анна Петровна ненадолго уехала с

семейством Тригорского в Ригу, с Пушкиным завязывается переписка. Письма очень интересны.

А в письме к ее двоюродной сестре Анне Николаевне Вульф, с которой Пушкин был дружен, он пишет, вспоминая: «Каждую ночь я гуляю по саду и думаю: она была здесь. Камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе подле ветки увядшего гелиотропа. Я пишу много стихов. Все это, если хотите, очень похоже на любовь».

В письме же к самой Анне Петровне с грустью признается: «Все, что я могу сделать в нашей печальной деревенской глупши — это стараться не думать о вас».

Старинные липы и до сих пор переплетаются корнями, может, теми самыми, о которые спотыкались ножки Аннеты Керн, заставляя ее спутника вздрагивать и подхватывать ее под руку. Их силуэты бродят в старинном парке и по сей день.

Недалеко от липовой аллеи еще две типичные парковые затеи — беседки. Но наш путь ведет к другому уголку парка — к острову уединения.

Остров уединения — одно из любимых мест в Михайловском парке. Можно представить себе: когда-то, перекинутый к острову уединения, здесь находился ажурный горбатый мостик. Закрыли его по причинам чисто прозаическим: чтобы любопытные экскурсанты остров нечаянно не вытоптали.

Я застал то время, когда здесь играл симфонический оркестр: в праздник поэзии переправили туда оркестрантов. И вот, лет десять назад, — мы ведь в России живем, у нас все бывает — переправили туда оркестрантов и забыли. Они мечутся, не знают что делать, а тут такие выкрики добродушные: «На барабане плыви, смычком подгребай...»

Вы знаете, сколько лет вожу экскурсии, лет тридцать как минимум, но ни разу там не был. Не осмелился, чтобы свои следы не оставить...

В Михайловском целая система Ганнибаловских прудов. Пруды копанные. Вода из одного пруда, когда он переполняется ливнями, стекает в другой, а оттуда уже в речку и в озеро. Получается такая красавая водная многоступенчатость. Как раз возле

острова уединения мы можем наблюдать такой перепад, особенно усиливающийся в половодье. Можно и услышать плеск воды, и полюбоваться издали на горбатый мостик.

А справа просматривается большая поляна, даже поле, где проходит ежегодный всероссийский Пушкинский праздник поэзии — в первое воскресенье июня, приуроченный к дню рождения поэта. Десятки тысяч людей собирает поляна в эти торжественные дни. Если еще не были, побывайте обязательно!

Напротив острова уединения — юный, послелицейский Пушкин. Это несколько необычный памятник работы Петербургского скульптора Галины Додоновой. По замыслу автора — здесь совсем молодой поэт, который впервые приезжает в Михайловское летом 1817 года. Расположился, лежа в яблоневом саду: видимо, сочиняет или мечтает о чем-то. Уж очень любят здесь фотографироваться, иногда даже фамильярно: кто в обнимку, кто Пушкину яблоко подложит, да и не только... Ну, я думаю, он бы не обиделся.

А мы с вами сейчас пройдем к горбатому мостику, который так красиво смотрится отсюда. Деревянный, выкрашенный белой краской, он кажется ажурным, воздушным, легко зависает над прудом.

Впереди по правую руку — большой каменный амбар. При Пушкине его не было. Он появился в 60-х годах XIX века, построен при сыне Пушкина, Григории Александровиче, который прожил здесь ни много ни мало, 33 года. Этот бывший льняной амбар сейчас используется как выставочный павильон.

А перед нами уже — горбатый мостик, за которым хорошо виден деревянный дом с самоварами. Это особый дом на Пушкинской усадьбе. Хоть появился он тоже при Григории Александровиче, и жил в нем управляющий имением, но имеет отношение и к истории наших дней. В нем долгое время находилась квартира Семена Степановича Гейченко, директора Пушкинского заповедника с 1 июня 1945 года, восстановившего усадьбу буквально из руин. Семен Степанович был и большой коллекционер, собирал многие вещи, в основном старинные: чайники, замки, ключи. Коллекция его самоваров — одна из самых больших частных коллекций в России — около

400 единиц. Все этот дом хорошо знают, и так и продолжают любовно называть: «дом с самоварами».

Прямо за домом с самоварами начинается цветочная аллея, которая и приведет нас на усадьбу Александра Сергеевича.

В начале аллеи — дуб, красив, раскидист. Дуб молод, ему не больше 250-300 лет. Для дуба это не возраст. В Пушкинское время он, конечно, был поменьше. Очень напоминает дуб «У лукоморья». Тем более что лукоморье здесь рядышком («лукоморье» — старинное русское слово, встречающееся в сказках и летописях, означающее «место или угол у воды» — лука, лук, излучина) — стоит руку протянуть: Сороть впадает в Петровское озеро. Когда-то здесь висела и цепь, видимо, для большей наглядности с дубом из «Лукоморья».

За забором, по обе стороны цветочной аллеи, — фруктовые сады. Урожай хорошие, яблоки вкусные, чистые — в основном те же сорта, что и при Пушкине: антоновка, ранет, полосатка, белый налив. Встречается груша, слива, смородина.

Заметьте — на цветочной аллее привлекает внимание необычный кустарник: цветет яркими малиновыми соцветиями. Это клен-малина — растение редкое, характерное для наших мест. На цветочной аллее практически всегда живые цветы, по составу поддерживающие усадебный стиль Пушкинского времени.

Аллея замыкается деревянным домом с башенкой. Напомню, что с 1911 по 1918 годы в Михайловском располагалась колония престарелых литераторов и учителей. Здание построено в 1911 по проекту архитектора Щуко для нужд колонии и непосредственно к Пушкинскому времени отношения не имеет. Сейчас используется как выставочный павильон.

А вот дом напротив уже напрямую связан с Пушкинским временем и с самим поэтом. Здесь жила семья Михайловского приказчика Михаила Ивановича Калашникова. С его дочерью Ольгой, как известно, у Пушкина был роман, даже имевший последствия.

НА УСАДЬБЕ

А мы с вами уже на Пушкинской усадьбе. Здесь все почти так же, как и во времена Пушкина. Почему «почти», скажу чуть позже, сначала немного топонимики.

Михайловское в разное время называлось по-разному. Одно из названий — Зуево. Зуи (серые цапли) с давних пор здесь гнездятся, прямо за окольцем колония серых цапель. В отличие от обычных цапель, серые гнездятся на вершинах сосен. И еще одно встречается название: Устье. И оно легко объяснимо: Сороть протекает здесь краем озера, как бы уже устье, псевдоустье. Но официально принятое название — от Михайловского монастырька, который располагался вблизи Савкиной горки.

Планировка усадьбы крайне проста, традиционна. В центре — господский дом, по обе стороны от него — хозяйственные постройки и флигельки. Дерновый круг — необходимая принадлежность каждой усадьбы, чтобы запряженные тройки лошадей могли свободно разъезжаться.

Маленький домик слева от главного — домик няни или банька. На многих открытках советского времени домик няни на фоне рыжих листьев клена служил, как бы сейчас сказали, брэндом, знаковой эмблемой Михайловского. Символизировал собой и само Михайловское, и лирическое стихотворение, посвященное няне, и удивительные, трогательные отношения двух людей: уже знаменитого поэта и милой заботливой старушки, нянюшки. Впоследствии, опоэтизованные, они вошли в историю, в антологию лиризма. Можно предположить, еще и тем особенно дорого нам Михайловское, что некоторые его составляющие являются попросту величинами символическими: Аллея Керн символизирует собой вечную поэзию отношений мужчины и женщины, от «домика няни» веет удивительной чистотой, теплотой человеческих отношений, без всякого ранга и сословия.

В одной половине домика — горница, где летом и жила нянька Арина, в другой — баня. Но это не баня в традиционном смысле слова, где исступленно хлещут веником, скорее, — мыльня.

По поводу бани у Пушкина есть такой изящный анекдот, в свое время рассказанный Вяземскому и им же в последствии опубликованный в своей «Старой записной книжке»: «Некий французский дипломат, в конце XVIII века вернувшись во Францию после длительной дипломатической службы в России и описывая российские реалии, писал, что в русских банях настолько жарко, что даже обмахивание веником не приносит долгожданной прохлады».

Справа от дома — флигели. Ближайший — кухня. Здесь для Александра Сергеевича готовили различные немудреные блюда — он был сторонником простой русской кухни. Очень любил печенный картофель, моченые яблоки, брусничную воду, крыжовенное варенье, разумеется, хотя и просил в письме брату прислать с оказией «что-нибудь в уксусе или горчицы».

Рядом с этим флигелем вотчинная кантора, в которой располагалось управление имением. Когда Пушкин прибыл в ссылку, управительницей имения была некая Роза Григорьевна. Но Пушкин был вынужден ее изгнать. Решив проверить дела имения, он нарядил «комитет», состоящий из кучера Петра Парфенова и садовника Архипа Курочкина. Этот «комитет» вскрыл злоупотребления. Но дело даже не в этом: хозяйство Михайловского велось из рук вон плохо. Земля скудная, приказчик обкрадывает, да и Сергей Львович хозяин никудышный.

Но для Александра Сергеевича было все одно: «Хошь мужик спи, хошь мужик пей». И все же, своим поведением Роза Григорьевна довела няню до того, что Арина Родионовна «начала даже худеть». Этого уж Пушкин позволить не мог — поэт, как известно, любил свою няню. Розу Григорьевну пришлось уволить.

Удивительный экспонат на усадьбе — почетная пушка 1831 года. Это мемория, то есть, вещь, которую видел или мог видеть Пушкин. Такие пушки не редкость в имениях, особенно тех, владелец которого имел какое-то отношение к артиллерии. В данном случае дед поэта, Осип Абрамович Ганнибал, был флота артиллерии капитан 2 ранга. Из таких пушек палили, когда съез-

жались гости, во время празднования именин или других событий (прообраз современного салюта). Местные крестьяне говорили, дескать, «как же у Пушкина, да без Пушки!»

Господский дом выглядел очень скромно, непрятательно даже по сравнению с не очень богатыми домами «господ соседственных селений». Сам Пушкин называет дом просто: «Михайловская изба».

В письме к брату он пишет: «Ну скажите же Вяземскому, чтобы тот никому не отдавал моих стихов, этак меня опять обкрадут! У меня нет родительской деревни с соловьями и медведями».

И уж очень ветхим запомнил дом и поэт Николай Михайлович Языков, который бывал здесь летом 1826 года. Он писал: «Господский дом уединенный — дряхлеет, памятник почтенный — Елизаветинских времен». Языков немного ошибся: дом был не Елизаветинских, но Екатерининских времен. Он был построен в 80-е годы при деде поэта, при Осипе Абрамовиче Ганнибale.

У Пушкинского дома очень сложная судьба. Он и горел, и перестраивался. Его спалили в 1918 году. К 1937, к юбилейному году, восстановили. Потом война. Последний пожар в 1944 году, когда немцы, отступая, спалили все, что смогли. Увы, от Михайловского дома торчала только одна печная труба.

После войны началась кропотливая реставрационная работа. Псковщина — бедная, голодная, босая, изможденная, ни гвоздей, ни досок, люди живут в землянках. Но дом восстанавливают! В этом немалая заслуга первого послевоенного директора заповедника Семена Степановича Гейченко.

К 1949 году дом открывается для посетителей. Следом, в разное время — 50-е, 60-е годы — восстанавливаются флигели.

Сейчас усадьба выглядит такой же, какой она была и при Пушкине. За одним исключением: в пушкинское время по окружности деревенского круга росли только кусты. Сейчас мы видим липы, в центре — вяз. Деревья посадил в конце XIX века сын Пушкина Григорий Александрович. Их не стали трогать — все-таки посажены рукой сына поэта. Но в дальнейшем подсадки производиться не будут, чтобы приблизить вид усадьбы к Пушкинскому времени.

Алексей Николаевич Бульф писал: «По шаткому крыльцу я вошел в ветхий дом первенствующего поэта русского». Поднимемся вслед за ним и мы.

ДОМ ПОЭТА

Первая комната Михайловского дома — передняя. Отсюда ведут двери в кабинет Пушкина, комнату няни, зальце. Мы везде побываем.

На стене уникальный документ — единственное изображение сельца Михайловского Пушкинского времени. Других документов нет или они нам просто недоступны. Рисунок Псковского землемера Иванова (литография Александрова 1837-38 гг). Художник дал волю фантазии: здесь и гарящий на коне Пушкин, и тригорские барышни, и крестьяне...

Если присмотреться к рисунку, легко обнаружить разницу между тем, что было, и тем, что видим сейчас. По окружности деревового круга как раз видны кусты — жасмин, акация, сирень, шиповник.

Здесь же Опочецкий план межевой конторы 1786 года сельца Михайловского. В XIX веке и Михайловское, и Петровское, и Тригорское входили в состав Опочецкого уезда, а владельцы имений считались опочецкими помещиками.

Впервые в Михайловском поэт появился летом 1817 года. Позже вспоминал: «Вышел из Лицея, я почти тот час уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч. Но все это мне нравилось очень недолго».

Это естественно. Он только что закончил полузакрытое учебное заведение (Лицей). Ему нужны общество, театры, балы, а его запирают в Псковскую глушь.

В свой первый приезд он знакомится с умной, доброй, обаятельной семьей владельцев соседнего имения Тригорского. Навещает и родственников — Ганнибалов, живущих неподалеку в Петровском и в других уездах губернии.

В 1819 году Пушкин снова здесь. Но летом 1819 года сюда приезжает уже зрелый

поэт, автор посланий «К Чаадаеву», оды «Вольность». Здесь он пишет свое знаменитое стихотворение «Деревня». Современники отчетливо представляли связь этого стихотворения с его пребыванием в Михайловском. Александр Иванович Тургенев писал своему брату (будущему декабристу Николаю Ивановичу): «Пушкин возвратился из деревни, которую он описал».

За эти стихи и за другие — вольнолюбивые ноэли, эпиграммы — поэта ссылают на юг. И дальше: Екатеринослав, Кишинев, Одесса...

Южная ссылка длится четыре года. А 31 июля 1824 года по данному господином Одесским градоначальником маршруту поэт выезжает из Одессы.

Новое место ссылки определено — глухая деревушка в Псковском уезде Опочецкой губернии Михайловское. Девять дней в пути... И вот 9 августа Пушкин в Михайловском.

Позже он вспоминает:

А я от милых южных дам,
От жирных устриц черноморских,
От оперы, от темных лож,
И, слава Богу, от вельмож,
Уехал в тень лесов Тригорских,
В далекий северный уезд —
И был печален мой приезд.

И действительно, приезд для него был печален — позади четырехлетняя южная ссылка, сколько будет продолжаться новая — никто не знает. Год, два, пять лет? Все зависит от воли императора Александра Павловича. Друг Пушкина Петр Андреевич Вяземский просто кричит: «Кто творец этого бесчеловечного убийства? Или не убийство — заточить пылкого кипучего юношу в деревне русской? Должно быть точно богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки. Страшусь за Пушкина».

Князь Петр Андреевич страшился напрасно:
Но здесь меня таинственным щитом
Святое провиденье осенило.
Поэзия, как ангел-утешитель
Спасла меня, и я воскрес душой.

Его спасает поэзия, творчество, труд. Но это он скажет спустя десятилетие, в 1835 году, ретроспективно оценивая прошедшее. А в ноябре 1824 года тон его посланий дру-

гой. В Дерпт поэту Николаю Михайловичу Языкову он пишет:

Но злобно мной играет счастье —
Везде без крова я ношуся,
Куда подует самовластье.
Уснув, не знаю, где проснусь.
Всегда гоним, теперь в изгнанье
Влачу закованные дни...

Над ним осуществляется надзор. Особые дела о Пушкине ведутся в Риге, Пскове, Опочке. А что тягостней всего, унизительней всего — в семье поэта вызвался наблюдать за поведением сына (вскрывать переписку) отец, Сергей Львович. Происходит объяснение с родителями, скора, разрыв.

В ноябре 1824 года родители уезжают из Михайловского. И вот он один в печальной деревенской глупши, «снедаемый бешенством скучки». Нуждается в подлинном настоящем друге.

Таким другом для него, в первую очередь, оказалась няня его, Арина Родионовна.

КОМНАТА АРИНЫ РОДИОНОВНЫ

Дочь Родиона Яковлева, она была замужем за крестьянином Федором Матвеевым. Но если бы ей пришлось подписываться под каким-нибудь документом, она написала бы «Родионова» — крестьяне не имели право на собственную фамилию.

Эту комнату, о которой мы сейчас ведем речь, родители Пушкина отвели Арине Родионовне, когда осенью 1824 года уехали из Михайловского.

Она жила здесь зимой. Летом перебиралась в баньку. В этой же комнате работали и сennые девушки — по сути ее можно назвать девичьей. Здесь мы видим вышивки сенных девушек Михайловского и Тригорского — одни из немногих сохранившихся меморий. Возможно, эти же вышивки видел и сам Пушкин.

А в старинном шкафе у стенки — посуда: изящные рюмочки, графинчики, тарелки. Но среди этого великолепия особенно дороги две неказистые, казалось бы, вещицы — полуштоф и миска. Это как раз то, что мы и называем мемории — вещи именно из Михайловского.

Арине Родионовне в те годы было чуть менее семидесяти лет. По словам Марии Ивановны Осиповой, Тригорской соседки, — «Это была старушка чрезвычайно почтенная, лицом полная, нежно любившая своего питомца, и имевшая всего лишь один грех — любила выпить».

На стене — барельеф с изображением Арины Родионовны работы Серякова.

Брату Льву Пушкин пишет: «Няня — моя единственная подруга и с нею мне только не скучно». И еще: «Вечером слушаю сказки няни и вознаграждаю себя за недостатки моего проклятого воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма».

Можно легко представить: сидит в кресле няня, рядом примостился Пушкин, и в большой черной тетрадке (тетрадь еще из Кишинева) рядом с серьезными рукописями «Онегина», «Цыганы» появляются чудесные няинины сказки.

Мастерица ведь была,
И откуда что брала!
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины.

Она рассказывает, Пушкин бережно, тщательно, слово в слово записывает, иногда со всякими неприличными отклонениями, потом перерабатывает... Ну и позже эти сказки, переработанные поэтом, войдут в сокровищницу нашей литературы.

У моря Лукоморья стоит дуб,
А на том дубу — золотые цепи,
А по тем цепям ходят кот,
Вверх идет — песни поет,
Вниз идет — сказки сказывает.

И 1828 году, при вторичном издании, поэма Пушкина «Руслан и Людмила» выходит с этим, куда более всем известным сказочным прологом «У Лукоморья дуб зеленый...»

Пушкин называет ее «мамой, мамушкой». А когда она сердится, наверное, притворно, дескать, «Ну какая же я мать тебе?» Он говорит: «Ну, разумеется, ты мне мать. Не то мать, что родила, а то, что воспитала».

Ссылка кончилась неожиданно. В ночь с 3 на 4 сентября 1824 года приезжает офи-

цер из Пскова. Пушкину предписано явиться в Псков, откуда он, в сопровождении фельдъегеря — вот ведь казуистика какая: не под видом арестанта, но только в сопровождении фельдъегеря — должен отправиться в Москву, где предстоит аудиенция с Николаем Павловичем: либо милость царская, либо каторга.

Никто ничего не может понять, все напуганы. Няня плачет, Пушкин ее утешает: «Не плачь, мама, царь куды ни пошлет, а все хлеб даст».

Няня бежит в Тригорское, объясняет Прасковье Александровне, что вот де, «Александра Сергеева забрали». Та у нее спрашивает: «А успел ли он что-нибудь уничтожить»?

«Нет, он-то ничего не уничтожил, только я вот кое-что поуничтожила — сыр этот проклятый немецкий, дух от него скверный».

Няня тяжело переживает разлуку с Пушкиным. Друзья поэта опасаются за ее здоровье — каково-то ей будет без него? Она шлет Пушкину письма. Но, увы, она была неграмотна, и письма под ее диктовку писали разные люди.

Перед нами два письма Арины Родионовны. Одно из них написала Тригорская соседка, Анна Николаевна Вульф, другое — какой-то «грамотей» из Михайловского. Скорее всего, им был кучер Петр Парfenов — он «знал грамоте». Письма изумительные. В одном она пишет: «Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское. Всех лошадей к тебе на дорогу выставлю».

Как бы ответом на эти письма и явилось знаменитое Пушкинское:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глухи лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлить поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь,
То чудится тебе...

Она дождалась. В ноябре 1826 года Пушкин приезжает снова. Но приезжает уже человеком свободным. По его собственным словам: «Нет ничего лучшего, чем вернуться вольным в покинутую тюрьму».

Радости Арины Родионовны нет предела. Пушкину даже жаловаться на нее пришлось. Он смеется в письме Вяземскому: «Няня моя уморительна. Вообрази, что 70 лет от роду она выучила какую-то новую молитву, сочиненную, вероятно, еще при царе Иване — о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости. И теперь в доме попы дерут молебен и мешают мне заниматься».

Умерла Арина Родионовна в 1828 году в Петербурге, куда она отправилась нянчить ребенка, который должен был родиться у Ольги Сергеевны. Жила у нее на улице, наверняка, вам хорошо известной. Старое название улицы — Грязная. Новое — улица Марата. Дом на углу Кузнецкого и Марата. Там доска висит, правда, не очень удачно — высоковато.

Похоронена Арина Родионовна на Смоленском кладбище. Но, увы, могила ее затерялась. У Пушкина есть такие горькие строчки: «Мы ленивы и нелюбопытны». Хотя ареал захоронения примерно известен...

Но вернемся в Михайловское, где провела Арина Родионовна большую часть своей жизни. Летом сюда часто приезжали родители — они любили Михайловское. Останавливались обычно в соседней комнате. Пройдем туда и мы.

КОМНАТА РОДИТЕЛЕЙ

Поскольку мы находимся в комнате родителей, здесь уместны портреты родственников Александра Сергеевича Пушкина.

Отец — Сергей Львович Пушкин. За пристрастие ко всему французскому его иногда называли «русский маркиз». Рядом с ним — его любимая собака Руслан. Она умерла в Михайловском от старости. Сергей Львович закопал ее где-то в саду, даже придумал эпитафию на французском. Потом завел себе другую собаку и назвал ее как-то уж очень по-современному: «Руслан-2».

Мать поэта, Надежда Осиповна, — la belle

creolle (прекрасная креолка), урожденная Ганнибал, внучка Арапа Петра Великого.

Сестра поэта Ольга Сергеевна — на полтора года старше Пушкина. Анна Петровна Керн, которая была в курсе взаимоотношений в семье Пушкина, говорила, что из всех своих близких он больше всего любил няню, а потом сестру Ольгу.

Брат Лев Сергеевич. В одном из посланий Пушкин называет его Лайон (или Лео) — на английский манер. Он на шесть лет моложе самого Пушкина. Братья очень похожи, только Левушка чуть ниже ростом (вспомним, что рост Пушкина 167 см, в то время это считалось средним ростом), но более коренаст, белокур, курчав. Его называли «белым негром». А почерк у обоих братьев был абсолютно одинаковым! Удивительный человек, обладающий феноменальной памятью, он знал наизусть все произведения Пушкина и декламировал их в гостиных Петербурга. Это сердило поэта. Он был первым профессиональным литератором — жил на средства от своих гонораров и ему было небезразлично, будут или нет покупать его произведения. Но кто их будет покупать, если они уже у всех есть в списках после декламаций Левушки?

Сам Лев Сергеевич писал стихи, и недурственные — многие из них нравились Александру Сергеевичу Пушкину. И вообще, клан Пушкиных — это явление феноменальное. Все писали стихи — и отец, и мать, и брат, и сестра, и дядя, и другой дядя. Конечно, всем им было далеко до Александра Сергеевича Пушкина, но как явление это заслуживает внимания. Лев Сергеевич Пушкин был человеком тактичным и не выходил со стихами на суд общественности. Жизнерадостный, общительный, остроумный, душа компании, любил покутить. Современники с юмором отмечали, что младший Пушкин мог пить все, кроме воды.

В каждой комнате дома в Михайловском мы видим рукописи Пушкина. Но, разумеется, это не оригиналы. Было бы преступно хранить такую ценность за этими жиленькими стеклышками. Любой клочок бумаги, где находятся строки Пушкина, размещены в специальных условиях в институте Рус-

ской литературы (Петербург), иначе — Пушкинский дом. Но сейчас с оригиналами никто не работает, это национальное достояние страны. Современная множительная техника великолепна, что дает возможность успешно пользоваться только копиями.

Обратите внимание на рукописи поэта — почерк Пушкина очень сложен, его могут читать только специалисты. Но даже если бы он обладал почерком третьеклассника, все равно ничего невозможного разобрать. Все замарано, исправлено, перечеркнуто — поэт очень строг, требователен к себе. Например, 14 поправок делает, пока его не удовлетворяет фраза старого цыгана из поэмы «Цыганы», который говорил Олеко: «Оставь нас, гордый человек!»

Поражает, когда смотришь на рукописи, обилие рисунков. Пушкин был прекрасным рисовальщиком — на полях его рукописей можно встретить все что угодно: кони, профили, женские ножки, автопортреты, композиции. Но рисунки Пушкина — предмет разговора особого, обстоятельный.

В этой комнате одна мемория — икона «Троица». Именно этой иконой благословил брак младшего сына, Льва Сергеевича, отец. Но это произошло уже после гибели Александра Сергеевича Пушкина.

Гравюры на «Метаморфозы» Овидия. Иногда Пушкин сравнивал себя с Овидием Назоном. Овидия сослали из прекрасной Италии на север в Молдавию, и Пушкина тоже — с юга на север, в Псковскую губернию.

Можно обратить внимание на журнал «Вестник Европы» за 1814 год. Именно там появилось первое напечатанное стихотворение Пушкина «К другу стихотворцу».

Соседняя комната — гостиная или зальце — свободна от экспозиций и выглядит также, как и при Пушкине.

ГОСТИНАЯ

В одном из вариантов второй главы «Евгения Онегина» есть такие строки:

В гостиной штофные обои,
Портреты дедов на стенах
И печи в пестрых изразцах.

Поэту Николаю Языкову, бывавшему в Михайловском, запомнилась одна из комнат дома, возможно, именно эта:

Вон там обоями худыми
Кой-где прикрытая стена,
Пол нечиненый, два окна,
И дверь стеклянная меж ними.

Именно в эти двери (задние, обращенные в сторону реки) Пушкин по утрам и выбегал купаться в Сороти.

Лев Сергеевич Пушкин отмечал, что образ жизни самого поэта в Михайловском напоминал деревенскую жизнь Онегина. Конечно, нельзя отождествлять скучающего Онегина с Пушкиным. И все-таки автобиографичность в описании деревенской жизни Онегина несомненна.

Вот как начинал свой день Онегин (4 глава):

Онегин жил анахоретом,
В седьмом часу вставал он летом
И отправлялся налегке
К бегущей под горой реке.
Певцу Гюльнары подражая
Сей Гелиспонд переплывал,
Потом свой кофе выпивал,
Плохой журнал перебирая.
И одевался...

Так же (или примерно так же) начинал свой день и Пушкин.

В те же двери он убегал, спасаясь и от непрошенных визитов «господ соседственных селений». «Бежал он их беседы шумной». Ему не нравился их «разговор благоразумный — о сенокосе о вине, о п scarне, о своей родне».

Вере Федоровне Вяземской, жене друга своего, Пушкин пишет: «Что же касается соседей, то лишь поначалу пришлось потрудиться, чтобы отвадить их от себя. Больше они мне не докучают. Я слыву среди них Онегиным».

Не так ли и Онегин отвадил от себя соседей?

Сначала все к нему езжали,
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышил их домашни droги, —

Поступком оскорбясь таким
Все дружбу прекратили с ним.
Можно продолжить... Мнение соседей:

«Сосед наш неуч, сумасбродит,
Он фармазон, он пьет одно
Стаканом красное вино,
Он дамам к ручке не подходит,
Все да, да нет, не скажет да-с,
Иль нет-с», - таков был общий глас.

«Портреты дедов на стенах»...

Среди них — портрет знаменитого двоюродного деда Пушкина, героя Чесмы и Наварина, Ивана Абрамовича Ганнибала. На экскурсии в Петровском мы подробнее вернемся к роду Ганнибалов.

Напротив — предполагаемый портрет матери Пушкина, Надежды Осиповны, чуть ниже — дяди, Василия Львовича Пушкина. В одном из посланий, ему адресованных, Пушкин называет его «мой дядя на Парнасе». В свое время Василий Львович — довольно известный поэт, литератор. Когда говорили «Пушкин-поэт», приходилось добавлять: Пушкин-дядя, или Пушкин-племянник. Конечно, нельзя делать даже попытки сравнивать поэтический талант дяди и племянника, и все же, возможно, среди учителей Пушкина на Парнасе вполне мог быть и родной дядя.

Василий Львович был стойким литературным бойцом, старостой общества «Арзамас» (имел там смешное прозвище «Вот» — из Жуковского). Пушкин-племянник восхищался последними предсмертными словами Василия Львовича: «Как скучны статьи Катенина». Словами, характеризующими Василия Львовича как человека далеко неслучайного в литературе.

На правой стенке — рисунок, сделанный сестрой Пушкина Ольгой Сергеевной. На нем две собаки: из них серая, которая стоит, — Руслан.

Правее — портрет троюродной сестры Пушкина, Евгении Петровны Ганнибал. Здесь же — большой поясной портрет человека в военном мундире XVIII века. Это прадед Пушкина. Не Ганнибал, а Пушкин Алексей Федорович.

Касаясь предков Пушкина, здесь, на территории заповедника, мы больше говорим о Ганнибалах. Это естественно. Ведь именно прадеду поэта, Абраму Петровичу Ганнибалу, эти земли были пожалованы императрицей Елизаветой Петровной в 1742 году.

А уж если говорить о Пушкиных, то первое, что нужно отметить, — это один из древнейших русских боярских родов. Предки Пушкина были соратниками еще Александра Невского.

Если вернуться в более доступное время, в фильме Эйзенштейна «Александр Невский» есть эпизод: русский витязь, забравшись на корабль шведов, крушил их, демонстрируя героическую доблесть. Это один из предков Пушкина — Гаврила Олексич. Его правнук и получил прозвище «Пушка». Отсюда и пошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины и т. д. Пушкин очень гордился принадлежностью к такому древнему русскому роду.

А что касается Алексея Федоровича Пушкина, его дочь Марья Алексеевна вышла замуж за деда поэта, Осипа Абрамовича Ганнибала. От того брака и была дочь, Надежда Осиповна, вышедшая замуж за Сергея Львовича Пушкина. То есть, род Пушкиных и Ганнибалов пересекается дважды, отец и мать поэта — родственники, не близкие, но и не дальние. Мать Александра Сергеевича Пушкина приходится его отцу троюродной племянницей.

Следующая цепочка приводит к выводу, казалось бы, парадоксальному: получается, что сам Александр Сергеевич доводится матери своей четвероюродным братом.

Это явление обыденное: часто дворянские роды пересекались неоднократно, и церкви приходилось следить, чтобы родство между будущими супругами не было близким.

Ну а мы, познакомившись ближе с кланом Пушкиных-Ганнибалов, перейдем теперь в столовую.

СТОЛОВАЯ

В центре комнаты сразу привлекает внимание большой раздвижной стол-сороконожка (хоть и не сорок, но десяток ног есть точ-

но). Когда он раздвигается — человек двадцать могут запросто разместиться. И если кому-нибудь из гостей не отхватило ногу под Бородино, под Смоленском, под Лейпцигом, то уже получается под столом сорок ног человеческих.

Рядом со столом горка с мемориальными вещами из Михайловского. Самые достойные внимания — кий, четыре шара из слоновой кости и подставочка для киев. О том, что здесь был бильярд, вспоминает в своих записках и Иван Иванович Пущин. К сожалению, сам бильярд не сохранился.

Но немного воображения и можно представить Пушкина с кием в руках, гоняющего по зеленому сукну гладкий шар. Не эта ли картинка видится нам в строчках «Евгения Онегина»?

Он на бильярде в два шара

Играет с самого утра.

Здесь же бруск из сосны, воспетой поэтом в стихах «Вновь я посетил», мемориальная посуда Пушкиных и Ланских: блюда, подставки, бокалы.

Едва ли не в каждом письме, которые Пушкин пишет из Михайловского (а он написал отсюда около 120 писем), просьба к друзьям приехать, навестить его, отдохнуть здесь. В письме, адресованному одному из них, читаем трогательную фразу: «Ах, если бы заманить тебя в Михайловское».

Вспомним пушкинское:

Кто долго жил в глухи печальной,
Друзья, тот верно знает сам,
Как сильно колокольчик дальний
Порой волнует сердце нам.
Не друг ли едет запоздалый,
Товарищ юности удалой...

Или из стихотворения «19 октября»:

Печален я: со мною друга нет,
С кем горькую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет...

Первым, кто нарушает его уединение, оказывается его лицейский друг, декабрист Иван Иванович Пущин, — на стене его портрет с рисунка Соболевского. Он пробыл здесь всего около суток. Торопился, боясь своим приездом скомпрометировать ссыльного поэта. Ведь Иван Иванович Пущин был членом

тайного общества. В дальнейшем, осужденный по первому разряду, проведет в Сибири на каторге и в ссылке в общей сложности около тридцати лет. Иван Пущин приезжает к Пушкину в крещенские морозы в 1825 году.

Позднее Пущин вспоминал: «Я оглядываюсь. Вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке (...) На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим. Он забыл, что надобно прикрыть наготу, а я не думал об заиндевевшей шубе и шапке...»

Пушкин откликнется потом на эту встречу:

...Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты уладил изгнанья день печальный,
Ты в день его лицея превратил.

«19 октября»

В апреле того же 1825 года, наконец, приезжает лицейский друг Пушкина, долгожданный Антон Дельвиг. Перед нами его портрет — литография с рисунка Лангера. Позже Пушкин скажет: «Никого на свете мне не было ближе Дельвига». Прекрасный поэт, человек редкой доброты, очень тонкого вкуса, но, с точки зрения Пушкина, у Дельвига был один недостаток. В одном из лицейских посланий Пушкин называет его «ленивец сонный».

Я полагаю, что с трудом удалось затащить его в Тригорское, познакомить с барышнями. И потом он писал в Петербург: «Тригорские барышни все в него влюбились, а он равнодушен, как колода, лежит на постели и вдохновляется Чегириным старостой».

И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, дотоле усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

«19 октября»

Ну и наконец, неподалеку от Михайловского, в имении Пещурова — Лямоново, Пушкин встречается еще с одним лицейистом, князем Александром Михайловичем Горчаковым, заехавшим навестить своего дядю. На стене его портрет работы художника Полнезича.

Горчаков сделал в дальнейшем блестящую карьеру — стал министром иностранных дел, впоследствии — канцлером Российской империи.

О своей встрече с Горчаковым Пушкин пишет Вяземскому: «Горчаков ужасно переменился, следственно подсох. У нас на Руси все либо гниет, либо сохнет».

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холдный
Не изменил души твоей свободной;
Все тот же ты для чести, для друзей...

«19 октября»

В этом же стихотворении Пушкин спрашивает: «Кому ж из нас под старость день лицея торжествовать придется одному»?

Торжествовал именно князь Александр Михайлович — он пережил всех лицейистов первого выпуска.

Всего троих из них, своих друзей-лицеистов, за два года ссылки увидел в Михайловском Пушкин.

И ныне здесь, в забытой сей глупши,
В обители пустынных выног и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души
Здесь обнял я...

Это изумительное стихотворение «19 октября» он написал к лицейской годовщине.

Здесь же он упоминает еще об одном своем друге, который собирался, но не смог приехать — о Вильгельме Карловиче Кюхельбекере, по-лицейски Кюхле. Его портрет работы художника Матюшина — гравюра конца XIX века — представлен среди портретов друзей.

Кюхля будет арестован, осужден по первому разряду, но Пушкин все-таки еще встретится с ним. Представим трагизм ситуации: октябрь 1927 года. Пушкин возвращается из Михайловского в Петербург и на станции Залазы, что между Псковом и Лугой, встречает арестованного Вильгельма Кюхельбекера, которого препровождают из Шлиссельбурга в Динабург. Спустя год Кюхле удастся дать весточку через братьев Александра и Льва: «Свидания с тобою, Пушкин, во век не забуду».

В сентябре 1826 года Пушкина вызывают в Москву. Аудиенция с Николаем I. Вопрос Николая Павловича: «Что бы ты делал, Пушкин, если бы был 14 декабря в Петербурге?»

Ответ: «Встал бы в ряды заговорщиков. Все мои друзья были там. Лишь одно отсутствие спасло меня, за что я благодарю прощедение...»

Обратите внимание на рисунки Пушкина. Он рисует знакомых декабристов: С.П. Трубецкой, П.С. Пущин. Страшный рисунок — виселица с пятью повешенными. Рядом он пишет: «И я бы мог, как шут, висеть». Слово «висеть» не дописывает — «ви». И снова пишет: «И я бы мог...»

Многие недоумевали — почему Пушкина не привлекли к делу о заговорщиках? Друг Пушкина, ангел-хранитель его, Жуковский Василий Андреевич, пишет в Михайловское: «Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся твои стихи. Это худой способ подружиться с правительством».

Итак, повелением государя он был свободен. Якобы свободен. Однако... Секретный надзор с Пушкина был снят только... в 1875 году! Очень странная забывчивость З-го отделения Собственной его Величества канцелярии. Почти 40 лет как Пушкин в гробу в Святых горах, а все поднадзорный.

Остановимся на других рисунках Пушкина: он иллюстрирует эпизоды своего романа Евгений Онегин. В первой главе есть такие строки:

С душою, полной сожалений,
И опершился на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя пиит.

У него возникает озорная мысль: он рисует себя и Онегина на набережной Невы. И делает такие сноски (пояснения): «1 — хороший (под Евгением Онегиным). 2 — должен быть опершись на гранит (под самим собой) 3. — лодка. 4. Крепость Петропавловская».

На этом же клочке бумаги пишет брату: «Брат! Вот тебе картинка для Онегина. Найди искусный и быстрый карандаш, чтобы все было в том же местоположении, та же

сцена, слышишь ли? Это мне нужно непременно». Вот такой картинкой он хотел украсить одну из главок «Онегина».

Идея воплощается не скоро, но, наконец, в «Невском альманахе» за 1828 год появляется рисунок художника Нотбека: «Пушкин и Онегин на набережной Невы». Рисунок чрезвычайно не понравился Пушкину. Не соблюдаются требования, которые поставил поэт: «Та же сцена» и «в том же местоположении».

Что касается местоположения — у Пушкина явно была Дворцовая набережная. И это важно — ведь это, как бы символ самодержавия. В дном из писем единомышленникам он пишет: «У меня бы набережная затрещала, если бы я коснулся сатиры».

А на рисунке Нотбека — угол решетки летнего сада. Расстояние между точками (двух рисунков) — почти верста. И сцена совсем другая, отличная от задуманной.

Отзыв Пушкина на рисунок Нотбека был весьма ироничен, если не сказать больше:

Вот перешед через мост Кокушкин,
Оперши ж.... о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосье Онегиным стоит.

Не удостаивая взглядом
Твердыни власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом, —
Не плуй в колодец, милый мой!

Рядом с этим рисунком изящная Пушкинская зарисовка образа Татьяны Лариной, зарисовка, которую можно прокомментировать его же словами: «сорочка легкая спустилась с ее прелестного плеча».

Но если бы вам удалось увидеть этот же рисунок в интерпретации того же Нотбека, вы бы ужаснулись нелепости, тяжеловесности этого рисунка. И вместе с Пушкиным посмеялись бы над ним. Вот как отозвался Пушкин на этот рисунок:

Пупок белеет чрез рубашку,
Наружу титъка — милый вид.
Татьяна мнет в руке бумажку —
Зане — живот у ней болит.
Она затем поутру встала
Пред солнцем в утренних лучах,

И на подстилку изорвала
Конечно, «Невский альманах».

Москва встречает Пушкина славой, торжеством. Толпы людей ходят за ним, когда он на прогулке. В театре, когда он появляется, смотрят не на сцену, — на него. Поэтесса Евдокия Растопчина пишет:

Вдруг все стеснилось, и с волнением
Одним стремительным движеньем
Толпа рванулася вперед,
И мне сказали: «Он идет!»
Он — наш поэт! Он — наша слава!
Любимец общий, величавый,
В своей особе небольшой
Прошел он быстро предо мной.

Довольно известный баснописец, бульварный, площадной, издатель журнала «Благонамеренный» Измайлов писал из Петербурга в провинцию: «Завидую Москве. Сначала она короновала императора, сейчас она коронует Пушкина».

И, примерно в это же время, талантливый портретист Арест Адамович Кипренский пишет знаменитый портрет Пушкина. По мнению современников, это самый похожий портрет поэта. Давайте вместе позавидуем Москве: оригинал там, в Третьяковке, здесь, в Михайловском — копия.

Вы прекрасно знаете отзыв Пушкина на свой портрет:

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз.
И я смеюся над могилой,
Ушед на век от смертных уз.
Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.

Дом Пушкина не отапливался с 1806 года — со смерти деда Осипа Абрамовича Ганнибала. И когда сюда прибыл Пушкин в августе 1824 года и выяснилось, что он проживет здесь неопределенное время, в спешке, на живую руку утеплили две южных комнаты — комнату няни и кабинет. Эта комната служила Пушкину кабинетом и в обычном смысле этого слова, но это и гостиная, и столовая, и спальня одновременно — он жил здесь.

А мы с вами перейдем в «святая святых» — Пушкинский кабинет.

КАБИНЕТ ПУШКИНА

Кабинет Пушкина. Место, которое и до сих пор вызывает в сердцах трепет. Здесь он сочинял, порой декламируя вслух, грыз перо в творческих муках. Здесь спал на узкой кровати под пологом.

Кабинет выглядит так же, как и при жизни поэта. Иван Иванович Пущин писал: «Комната Александра была возле крыльца, с окном на двор, через которое он увидел меня, услышав колокольчик. В этой небольшой комнате помещалася кровать его с пологом, письменный стол, шкаф с книгами, и проч. и проч. Во всем поэтический беспорядок, везде разбросанные, исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев — он всегда с самого Лицея писал оглотками, которые едва можно было держать в пальцах. Вход к нему прямо из коридора».

Катенька Осипова, дочь хозяйки Тригорского, так описывала кабинет: «Комната Александра Сергеевича была маленькая, жалкая. Стояли в ней всего-навсего простая кровать деревянная с двумя подушками, одна кожаная, и валялся на ней халат, а стол был ломберный, ободранный: на нем он и писал, и не из чернильницы, а из помадной банки».

Можно привести описание кабинета Евгения Онегина, вполне вероятно, что списанного с собственного:

Татьяна взором умиленным
Вокруг себя на все глядит,
И все ей кажется бесценным,
Все душу темную живит
Полумучительной отрадой:
И стол с померкшую лампадой,
И груда книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной,
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.

«Кукла чугунная» — на каминной полочке фигурка Наполеона.

Конечно, в этой комнате есть мемориальные вещи, связанные с памятью о поэте: чернильница, стаканчик для перьев, подсвечник с колпачком и щипцами. К камину прилонена Т-образная девятифунтовая железная трость — спутница прогулок Пушкина, подножная скамеечка Анны Петровны Керн. Она говорила, что Пушкин сиживал на этой скамейке: «Несколько дней спустя, он приехал ко мне вечером и, усевшись на маленькой скамеечке (которая хранится у меня, как святыня), написал на какой-то записке:

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Осеребрял мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было;
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанием вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души».

Из мебели мемориальные вещи: кресло, стол и маленькая этажерка. Остальные вещи — суть тех времен, которые могли быть здесь при Пушкине.

Например, на стене портрет Байрона. Такой портрет Пушкин дарит своей Тригорской соседке Анне Николаевне Вульф. Под портретом охотничий рожок. Подобный рожок преподносит Пушкину один из местных помещиков при «весьма любезном письме». Здесь же всем известный портрет Жуковского. Вспоминается сразу: «Победителю ученику от побежденного учителя». Такой портрет Жуковский дарит Пушкину в тот высокоторжественный день, когда он заканчивает свою поэму «Руслан и Людмила».

Здесь же — книги, рукописи, стихи:

Пылай камин в моей пустынной келье,
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук...

Это замечательное стихотворение Пушкин пишет в Михайловском. Перед нами на столе его списки.

Книг требовалось много. Их сюда присыпали при каждой оказии. Знаменитая Пушкинская библиотека здесь начала расти едва ли не по часам. Создалась беспрецедентная ситуация, когда каждый книгопродавец или книгоиздатель — в Петербурге ли, в Москве ли — считал своим долгом направить сюда какой-то альманах, журнал, сборник.

Петр Парfenov вспоминал: «Помнится, мы на двенадцати подводах везли; двадцать четыре ящика было; тут и книги его, и бумаги были...»

Здесь, в Псковской глупши, мужает и крепнет творческий гений Пушкина. И он мог с полным основанием сказать о себе в письме Николаю Раевскому (младшему): «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, и я могу творить».

Пушкин сказал «я могу творить» именно здесь, в Михайловском. Здесь он пишет около ста прекрасных стихотворений, среди них такие перлы, как «Андрей Шенье», «Вакхическая песня», «Я помню чудное мгновение», «19 октября», «Пророк», «Зимний вечер» и так далее, и так далее.

Несомненно, Михайловская ссылка очень многое дала мировой литературе. И, покинув некогда ненавистное ему Михайловское, Пушкин скучает по нему. «Ненавистное» — потому что здесь он заперт, лишен возможности уехать в чужие края, за границу, почувствовать себя вольным. Иначе, чем можно объяснить строки, вырывавшиеся из его писем: «У нас осень, лес шумит, ветер шумит, шумно, а скучно» или: «Мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство, батюшки, помогите!»?

Сравнивая неяркую здешнюю природу с блестящей, пышной, южной (он ведь с Черного моря сюда приехал), Пушкин пишет: «Небо у нас вечно сивое, а луна — точная репа».

Но, все-таки, покидая Михайловское, он грустит.

Дай, оглянусь, простите ж, сени,
Где дни мои текли в глупши,
Исполнены страстей и лени
И снов задумчивой души.

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,

Ожесточится, очерстветь,
И, наконец, окаменеть,
В мертвящем упоенье света,

В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья.
И неоднократно он еще будет приезжать
в Михайловское.

Но Михайловское — это не только кабинет, дом. Прежде всего, это те же тропинки, облака, то же зверье, озера, флигели, парк. И мы продолжим экскурсию уже вне дома.

(Продолжение в следующем номере)

Юрий Палевич**Улыбнись!**

Юрий Палевич (Беларусь, г. Бобруйск) — член БЛС «Полоцкая ветвь», один из основателей Бобруйского городского литературного объединения «Душа». Дипломант конкурсов поэзии «Любви все возрасты покорны» (1999 г.) и «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы» (2001 г.), лауреат Международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции-2011» в номинации «Драматургия». Автор нескольких коллективных и собственных поэтических сборников.

Литературные пародии

Чего приперся?

Он приходил в мой дом всего однажды
И осчастливили кресло у окна,
Которое предпочитает каждый,
Кому моя компания нужна...
Он говорил, и до рассвета длился
Его простой и сбивчивый рассказ —
Он несоизмеримостью пленился
И в несоизмеримости увяз.
Виктория Соколовская,
«Вестник культуры», № 1 (15), 2003 г.

Я с многими в компаниях бывала —
Друзей по миру, как в реке воды.
Да только вот никак не ожидала,
Что доведет все это до беды.

К себе домой я парня пригласила, —
Он показался просто идеал.
Но вышло так, что вся мужская сила
Вдруг прочь ушла, — меня он не ласкал.

Взамен хозяйки кресло осчастливили,
Ему в любви он клялся до зари.
Его напрасно называла «милый»
И все просила: «Ласку подари!»

Чего же он приперся? Я не знаю —
Видать, не то у парня с головой.
Я часто этот случай вспоминаю,
Как с мебелью был парень, не со мной.

Наутро друг в тумане рассосался
И на меня при этом не взглянул.
Всю ночь в любви он креслу признавался, —
Видать, в пивбаре лишку хватанул.

Исповедь дебила

Теперь о главном. Я помыл посуду,
разбил тарелку. Ты сказала: «Да-а!
Дебил.., Сегодня спать с тобой не буду,
И вообще, — не буду никогда».
А. Раткевич. Сборник сонетов
«Июль-однолюб». Сонет № 1

У нас в семье один скандал случился:
Я мыл посуду и тарелку — шмяк!
Но я, признаюсь честно, не смущался:
Тарелка — это все-таки пустяк.
Но ты, посуды битой звон услышав,
Затеяла огромнейший скандал:

Сказала вдруг, что я умом не вышел,
О чём, признаюсь, до сих пор не знал.
Я этот случай долго не забуду,
От слов твоих в наш дом вошла беда:
«Дебил, сегодня спать с тобой не буду,
И вообще, — не буду никогда».
Что я расстроен выдавать не стану,
Пусть даже в горле ком и свет не мил.
Но все равно писать не перестану, —
Сказала же сама, что я — дебил!

Одесская мечта

*Не была я никогда в Одессе.
Встреча с ней, возможно, предстоит.
Но читала в выходящей прессе:
Памятник Нахимову стоит.
Бронислава Яскевич,
«Никогда в Одессе не бывала»*

Я, друзья, в Одессе не бывала,
Но, надеюсь, встреча предстоит.
А недавно прессы сообщала:
Там Нахимов (памятник) стоит.
Я от злости чуть не задыхалась, —
Как они посмели без меня?
А когда таблеток наглоталась
Поняла — подложена свинья.
Написать письмо в ООН решила, —
Назревает мировой скандал:
«Почему Одесса не спросила
У Яскевич разрешенья?» Дан
Мне ответ был: мол, не ваше дело.
Ну, а мне прикажете как быть?
Я еще ребенком захотела
Памятник Нахимову открыть!

Нахальная гостья

*Зима, как пьяный гость, уходит
То к двери, то к столу опять...
Е. Матвеев
«Скрещенье всех дорог»*

Позвал я зиму как-то в гости,
Накрыл с женой шикарный стол.
А в результате чуть от злости
Приют в психушке не нашел.

Она неделю не уходит:
То к двери, то к столу опять.

Сомнамбулой по дому бродит
И вынуждает наливать.

Давно закуска на исходе,
Ни водки, ни финансов нет.
А снежная все песнь заводит,
В меня бросая табурет.

Ночами отдыхать мешает:
По дому выюгою кружит,
Иль одеяло с нас срывает,
Иль чем-то по углам шуршит.

Но как-то раз в конце недели
Жена зиме сказала: «Стой!
Ну сколько можно, в самом деле,
Тебе наш нарушать покой?»

Тут гостья разомпротрезвела,
В лицо жене плеснув дождем.
Мгновенно в поле улетела, —
Спокойно мы теперь живем.

Ночной психоз

*И все же наступило время сна,
Но шорохи ловлю в вечерней дымке,
Где звонко заливаясь у окна,
Сверчки справляют свадьбу иль поминки.
Р. Лукашевич.*

Сборник «Прикосновение музы», стр. 28

Ночная мгла влетает вновь в окно,
Роняя сны, как будто бы слезинки.
Но мне уснуть сегодня не дано —
Сверчки справляют свадьбу иль поминки.

Что там у них? Пытаюсь я понять,
Но бесполезно — в мыслях кавардак.
Чтоб этот шум сверчковый поунять,
Я осторожно лезу на чердак.

Там — темнота, царит покой и тишина.
Внизу — входная дверь звенит тревожно.
Открыла, а оттуда осторожно
Вдруг санитар спросил: «Чего не спишь?!»

Валерий Митрохин

Поэзия

ПОЭЗИЯ И ВПРАВДУ ГЛУПОВАТА

* * *

Зима. Смерзаются ресницы.
Недвижно все в душе самой.
И только голосок синицы
Мне говорит, что я живой.

11. 10. 2010 г.

* * *

Чем хуже мне, тем лучше им —
Стихам нечаянным моим.

11. 10. 2010 г.

* * *

Зима явилась в ночь на воскресенье.
Ударил в окна снега белый свет.
Мне показалось, таинство Крещенья
Переживает снова Белый Свет.

Он тихо спал, очищенный от скверны,
Раскинув благодарно телеса.
И, как всегда, в бессмертии уверены,
Младенцем любовались небеса.

13. 11. 2010 г.

СОН В РУКУ

В небе родины моей —
Не ворон, ни журавлей,
Мир искусства опаляет слава.

05. 11. 2011 г.

* * *

Он любил свою работу
И жену свою не бил.

Жил да был на свете кто-то,
Некто добрый жил да был.

«Хочешь, плачь, а хочешь, смейся —
Все равно — конец один!» —
Говорил отец семейства,
Добродушный господин.

Был не жадным, не был мотом,
Посидеть любил в кафе.
Регулярно по субботам
Возвращался подшофе.

Просыпался он с рассветом,
Пил рассол и кофе пил.
Говорят, он был поэтом.
Может, в самом деле, был.

На крючке в прихожей — пыльник,
За ночным окном — звезда.
До сих пор звонит мобильник
Ниоткуда в никуда.

21. 11. 2011 г.

Носите ценные мысли,
Как воду на коромысле.
Особенно, что из колодца.
Жадно такая пьется.
Вода из колодца умна —
Земная в ней глубина.

26. 11. 2011 г.

Друг за друга мы — горой.
Ты — герой, и я — герой!
Вспомни, сколько раз друг друга
Мы спасли друг от друга!

02. 12. 2011 г.

ПАХАРЬ

Лишь маятник туда-сюда
Качает время без следа.
Из ниоткуда никуда
Оно, как плуг, влачит года,
Оставив на лице мужчин
И женщин борозды морщин.

05. 12. 2011 г.

КАТАРСИС

Миллион каблучков за окошком стучит...
Это дочки дождя с вечеринки вернулись,
Пробираясь домой лабиринтами улиц,
Где к утру под конфоркой сгорит антрацит.

Свет не стал зажигать. В упоительной дреме
Долго слушал и я заоконный шумок.
Может быть, только я. Ведь никто,
больше, кроме
Речь деревьев постичь в эту полночь не мог.

Я был болен. Мое соловьиное горло.
До весны тосковало о песнях своих.
Я молчал, лишь дождя отрешенные сверла
Возвратили мне майскую память на миг.

Я был болен. Окутанный шарфом печали,
Майским медом декабрьский катар полоща.
Благозвучные связки надсадно молчали,
И тоска истекала с плаща из плюща.

14. 12. 2011 г.

* * *

Твое дыханье слышу постоянно;
Невидимо присутствуешь во мне.
Душа молчит, но словно фортепьяно,
Ловя струной вибрации извне.

Они тихонько стонут и рокочут,
Они гудят чуть слышно и гудут.
В звучанье этом твой витает почерк, —
Он исподволь вошел под самый спуд.

Твои прикосновенья греют деку,
Перебирают клавиши души.
Свеча горит подобно человеку.
Не погаси меня. Не потуши!

16. 12. 2011 г.

* * *

О мертвых — ничего плохого! —
Таков неписаный закон.
Я о тебе, как ни о ком,
Давно не говорю ни слова.

Живи, мой бывший друг, живи!
Живи, мой бывший враг!
Не будет больше врак и драк,
Измен и визави!

Поскольку у меня в душе
Ты окочурился уже.

18. 12. 2011 г.

* * *

Молчит железная дорога.
Взошла на горизонт полого.
Далекий поезд катит немо.
И шпалы, как ступени в небо...

21. 12. 2011 г.

* * *

Я верю чистому листу.
Я верю Божьему кресту.
Люблю читать стихи с листа.
Дарю любовь из уст в уста.

Любая истина чиста,
Когда она из уст Христа.
Любая истина проста,
Когда от чистого листа.

24. 12. 2011 г.

г. Симферополь

Павел Эшов**Поэзия**

Павел Эшов (г. Курск, Россия) — финалист литературного фестиваля «Славянские традиции-2009). Участник «школы-студии стиха» под руководством А. Афанасьева при Курской областной научной библиотеке им. Н. Н. Асеева. Публиковался в региональных периодических изданиях, в межрегиональных альманахах, сборниках (Россия, Украина, Белоруссия): «Славянские Колокола» и «Междуречье». образование — высшее. Место работы: муниципальное учреждение.

Из цикла «Половина Луны»

ЛУННЫЙ МЁД

Скажу в полуулунном плену,
Игру принимая всерьёз:
Давай улетим на Луну,
В страну шестикрылых стрекоз.

Давай улетим на Луну,
На светлую ту половину,
Где пчёлки на лунном лугу
Несут полосатые спины,

Несут от цветка до цветка,
Волшебную ношу лелея;
Где робкий полёт мотылька
От сладкого духа смеleeет.

Давай на Луну улетим,
И поискам лунного мёда
Мы лучшие дни посвятим,
Танцуя на розовых всходах.

Ты скажешь: там Солнце — огонь,
Ты скажешь: там тени — льдяные.
Но всё же протянешь ладонь,
Игре доверяя отныне.

По лунной траве босиком,
Легки и беспечны, как дети,
Поём и танцуем вдвоём,
Попавшие в сладкие сети.

Смотри — я лужайку нашёл.
Там каждый цветок — медонос.
Хмельное жужжание пчёл
И реянье лунных стрекоз.

Ты видишь — похожи на нас
Беспечные пчёлы на воле.
Ты тоже впадаешь в экстаз.
Ты тоже не чувствуешь боли.

На лунной ромашке станцуй.
И жалко, когда допоём.
У пчёлки один поцелуй.
Потом мы исчезнем вдвоём.

БРИЛЛИАНТОВАЯ ТРАВА (ПТИЦА ГАМАЮН)

В детстве, когда у меня был огромный сад и в нём жили совы, старая-престарая бабка-соседка поведала мне эту легенду.

Когда-то, давным-давно, совы были обычными дневными птицами. Ну, может, немножко больше, чем обычными — так сильно они любили Бога-Солнце и Луну... Но однажды — может, из ревности — Бог-Солнце прогневался и навсегда отлучил их от себя. С тех пор совы ведут ночную жизнь и довольствуются лишь лунным светом, а с наступлением рассвета, преодолевая влечение к испепеляющему, убийственному Солнцу, вынуждены скрываться в лесу, в самой тёмной чаше, и ждать следующей ночи.

Говорят, что утренняя роса — это слёзы несчастныхочных птиц...

По бриллиантовой росе —
Напрасно всё, и взор, и слово —
Мы шли с тобой. Вставал рассвет,
И в лес перелетали совы.

АЛЬТИСТ С ЗОЛОТЫМИ ГЛАЗАМИ

Елене Э.

Есть мгновение утром, когда
Умолкают деревья и птицы,
И в пруду застывает вода,
И туман шевельнуться боится.

Даже самая тихая ночь
В ту минуту становитсятише,
И, ещё не успев изнемочь,
Ветер штору уже не колышет.

И всю ночь промяукавший кот
Вдруг свернётся клубочком покорным.

Так стихает всегда шелест нот
Перед самым начальным аккордом.

Так нисходит в назначенный миг
Тишина в оркестровые ямы.

Перемещенье лун и сов
От истребляющих рассветов.
Ах, если знать б, что и любовь
Порою прячется от света!

Ах, знать бы, что восходы солнц
Играют на печальных струнах...
Смотри, как боятся в горизонт
Полуобугленные луны!

Не отпускай мою любовь!
Неси в несбывшиеся ночи,
Туда, где птица наших снов
Нам счастье верное пророчит;

Ищи следы истлевших лун
Среди мерцающих созвездий,
Где голос птицы Гамаюн
Разносит радостные вести;

Учись у сов, у мудрых сов,
Таящих грусть в ночи бесцветной,
Одолевать извечный зов
Запретной линии рассветной,

Где наши плачущие сны,
К утру на травах оседая,
С последней капелькой росы
Так предсказуемо растают...

Там, скрывая светлеющий лиц,
Ждёт Альтист с золотыми глазами.

Ждёт, когда ты проснёшься, и взор
Твой наполнится светом приветным —
И незримый взнесёт дирижёр
Первый луч над Оркестром Рассветным.

Рисунок автора

ФОТОВЫСТАВКА ЖУРНАЛА

В фотогалерее этого номера журнала работы молодого фотохудожника Ильмиры Беленковой. Мы попросили ее рассказать о себе. Вот что сказала нашим читателям Ильмира:

«Я родилась и живу в Санкт-Петербурге. После школы окончила Ленинградский Финансово-Экономический институт, и все последующие годы работаю по полученной профессии — главным бухгалтером. Правда, люди, хоть немного меня знающие, считают, что мой характер имеет очень мало общего с сухими цифрами. Может быть, со стороны виднее... Но, так или иначе, работу свою я люблю. Стороннему человеку очень сложно представить, насколько эти сухие цифры красноречиво могут говорить...

и даже петь. Да-да! Особенno, когда завершена работа над балансом.

Сейчас я работаю в компании, которая с 1996 года занимается разработкой и производством водных и безопасных для человека препаратов и технологий по борьбе с плесенью и биозаражениями.

У меня небольшая семья — мама, папа, муж и восьмилетняя дочь. Если бы меня спросили, чего я хочу больше всего на свете, я бы, не задумываясь, ответила: здоровья родителям, удачу мужу и наполненной человечностью, добротой, правдой и счастьем, жизни дочери.

Свободного времени у меня, как у всех современных людей, не так много. Предпочитаю тратить его на общение с друзьями, прогулки, вышивание. Очень люблю хорошую разношариковую музыку, интересные фильмы (вопреки сложившемуся стереотипу о женских пристрастиях, вовсе не обязательно мелодрамы), тишину и добротную, написанную близким мне языком, литературу. С нетерпением каждый год жду длинных выходных и отпуска, чтобы можно было выехать на природу отдохнуть или поездить по новым местам. Греция и Болгария, Прага и Париж, Карелия и Эстония — только названия способны свести с ума, а мне посчастливилось побывать там, насладиться красотами этих чудесных мест вместе с фотокамерой, ибо...

...тут мы дошли до основного: главным увлечением последних трех лет жизни стала для меня фотография. Я безмерно благодарна своему однокласснику Владиславу, который настоял на том, чтобы наша семья однажды приобрела фотоаппарат. Я благодарна ему за то, что он научил меня ВИДЕТЬ, за его уроки по композиции, за его уроки по обработке. Я не умела ничего, я больше половины не умею и сейчас, но зато я научилась выражать фотографией свои эмоции. Грусть, мечта, счастье, одиночество, радость, любовь... Все это, я надеюсь, видится в моих работах. Я стараюсь показать то, что вижу сама, в названиях работ, в свете, цвете, деталях и обработке.

Мне очень хочется, чтобы Вы, уважаемый читатель, хотя бы ненадолго смогли увидеть мир моими глазами. И если мне удастся показать его Вам так, чтобы Вы восхитились вместе со мной, я буду счастлива».

Ильмира Беленкова, Санкт-Петербург.

Детские страхи. (Фото И. Беленковой, 2010 год)

Распятая душа.
(Фото И. Беленковой,
2011 год)

Маленькая пейзанка.
(Фото И. Беленковой, 2011 год)

Когда цвели сады.
(Фото И. Беленковой,
2011 год)

Принцесса и Паж
(Фото И. Беленковой,
2011 год)

Арки, окна, фонари...с
(Фото И. Беленковой, 2011 год)